

ЮРИИ НИКИТИН

ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ

СТРАННЫЕ РОМАНЫ

Юрий Александрович Никитин

Последняя крепость

Серия «Странные романы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139613

Аннотация

Прогресс неумолим: страны сливаются в сообщества, а те объединяются в человечество. Национальные языки уходят в прошлое. Уступая, понятно, английскому. Некоторые народы, особо упорствующие, приходится приводить в лагерь человечества силой. Осталась одна-единственная страна, что не желает расставаться с самобытностью и растворяться в человечестве. Потому элитные части армии США готовятся к броску на Тель-Авив, Иерусалим и другие города. Бросок последует сразу же после точечных бомбардировок и удара крылатыми ракетами.

Содержание

Предисловие автора	4
Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	59
Глава 5	73
Глава 6	90
Глава 7	104
Глава 8	115
Глава 9	123
Глава 10	133
Глава 11	142
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Юрий Никитин

Последняя крепость

Предисловие автора

Массовому читателю роман покажется скучным, как и прочие «странные романы». Но мы-то знаем, из кого состоит любое абсолютное большинство, так что ладно, проехали. Этот роман, как и вся серия, не для абсолютного. Ну, вы поняли.

В этом романе, как и во всех «странных», продолжаем говорить о том, о чем общество боится подумать даже ночью в комнате с выключенным светом и спрятавшись с головой под одеяло.

Мнения по этой книге, как и о предыдущих, высказываются все там же, в «Корчме».

Часть I

Глава 1

Стивен из ложи для прессы с интересом наблюдал за жаркими дебатами в сенате. Давно обсуждавшийся в прессе вопрос: как допустить неграждан США к голосованию по выборам президента, прозвучал наконец со всей остротой после того, как сенатор от Калифорнии вынес его на голосование.

Всем понятно, что в какой-то мере пора: весь мир не просто следит за выборами президента США, но обсуждает, болеет за того или иного кандидата, прикидывает, чем обернется для него лично, если выберут того или иного. А ведь в самом деле как-то да аукнется, как для американца, так и немца, китайца, араба, русского или африканца. Где бы человек ни жил: в Африке, Европе, России или Китае, но везде понимают, что идут выборы мирового президента. Человечество практически слилось в один народ, пока что говорящий на разных языках...

Сенатора от Калифорнии горячо поддержал алабамец, темпераментно доказывал, что когда-то сделать придется все равно, так не лучше ли сейчас подойти к этому вопросу трезво и взвешенно, обсудить плюсы и минусы, заранее увидеть

возможные ухабы и даже опасности. Сенатор от Миннесоты напомнил с предостережением, что большинство населения земного шара все еще относится к США со скрытой недоброжелательностью. Если им предоставить возможность полноценно участвовать в выборах, тут же потребуют, чтобы в кандидаты можно было выдвигать любого достойного члена человечества, и в пику всем американцам предложат какую-нибудь мать Терезу или папу римского. Против таких кандидатур вроде бы и возражать неловко, а надо, потому что какие, на хрен, из них президенты?

Завязался спор, вся суть свелась к таким щекотливым деталям, как наделить правом голосования только часть населения за пределами Штатов. Как ухитриться дать им американское гражданство, но без права въезжать в Штаты, тем самым уже приподнять этих избранных над остальными жителями. Такой жест ничего не будет стоить, да и опасности в нем нет: на каждого жителя планеты в ЦРУ подробное досье, хорошо известно, кто как относится к Штатам и к демократии, симпатизирует или нет экстремистам, и вся прочая важная информация.

Однако превысит ли выгода от их возросшей преданности озлобленность остального населения, которое и так считает Америку империей зла?

На спину обрушился удар открытой ладонью. Мышцы непроизвольно сократились, он вздрогнул и развернулся, весь ошестинившийся и готовый к схватке. Улыбающийся во

весь рот директор департамента скрытых операций Дуглас покачал головой.

– Раньше бы не позволил так, со спины, неслышно. Не те рефлексy, не те...

– Ну да, – согласился Стивен, – по-твоему, когда вблизи хлопнет пробка шампанского, я должен уходить кувyрками, стреляя из двух пистолетов на звук?

– Это было бы здорово, – сказал Дуглас мечтательно. – Вот бы встряхнули эту публику... Как любят рассуждать о войне, как любят!

Стивен с любопытством смотрел на Дугласа, солидного такого господина, с благородной сединой на висках, с мудрым и чуточку усталым взглядом, одетого строго по вашингтонской моде: добротный костюм с некоторой консервативностью в покрое, что должно свидетельствовать о благонадежности и устойчивости взглядов, в тупоносых туфлях, в то время как все нынешнее поколение щеголяет в остроносых. Даже галстук не кричаще-яркий, как носит большинство сенаторов и даже членов кабинета президента, а сдержанный, в мелкую клеточку, с характерным рисунком, по которому знаток определил бы выпускника Гарварда какого-то там года.

– А ты стал типичным, – отметил он. – Да, типичным.

– Кем? – переспросил Дуглас.

– Типичным, – повторил Стивен злорадно. – Очень даже. Дуглас покачал головой, рука скользнула в карман, на свет

появился мобильник с раскладывающейся книжечкой. Умело нажал крохотные кнопки, сдвинул джойстик, и на экране замелькали взрывы, из двух крохотных динамиков едва слышно доносились звуки боя. Динамики высшего класса, Стивен различил выстрелы из танковых орудий, минометные разрывы, сухие очереди крупнокалиберных пулеметов.

Женский голос быстро и взволнованно перечислял последние новости. Вчера на Западном берегу Иордана убиты шесть израильских солдат и восемнадцать палестинцев. В ответ на гибель израильтян премьер-министр Израиля заявил, что ответ не заставит себя ждать: решительный и жестокий. Израильская армия призвала пять тысяч резервистов, что вызвало бурю возмущения на Ближнем Востоке.

Правительства арабских стран обвинили США в скрытых симпатиях Израилю, который сумел сохранить независимость и армию и потому сейчас безнаказанно убивает арабов благодаря попустительству США. Танки и вертолеты Израиля нанесли ракетно-бомбовые удары по одной из арабских деревень. Убито не меньше тридцати человек местных жителей. Израильтяне приводят в оправдание, что уничтожена большая группа боевиков, однако их заявления тонут в вообще-то справедливых протестах арабов, что если отняли у них право защищаться самим, то почему не защищаете нас вы?

Стивен слушал внимательно, в этом здании ни одно слово не произносится впустую, а Дуглас так и вовсе не взглянет

без заднего смысла.

– Это еще не все, – сказал Дуглас деловито. – Мы пропустили самое интересное. Сейчас переключу на Евроньюс, у них чуть позже...

– А что самое интересное на сегодня?

– Сейчас увидишь...

Он снова щелкал, переключал, наконец на крохотном экране замелькали почти такие же кадры артобстрела, затем солдаты в защитных костюмах пошли, прикрывая друг друга, от дома к дому.

– Вот, слушай!

Стивен вслушивался внимательно, хотя ничего необычного не уловил. Ночью прошла зачистка в арабской деревне Бейт-Рима близ Рамаллы. Захватив ключевые посты, израильская армия приступила к арестам боевиков, в результате схваченных не оказалось, но убито двенадцать арабов. Пресс-служба Израиля сообщила, что деревня была опорной базой террористов, однако в мировой прессе, к тревоге и беспокойству израильтян, постоянно подчеркивалось, что израильская армия вошла на чужую территорию и там убила местных жителей.

– Ну и что? – спросил Стивен.

– Ничего необычного? – спросил Дуглас хитро.

– Чуть-чуть больше крови, – ответил Стивен равнодушно. – Почти вдвое больше убитых, чем обычно.

– И это все?

– А чего тебе еще? – спросил Стивен сердито, но Дуглас смотрел хитро, и Стивен вспомнил, что чуть-чуть царапнуло слух в новостях. – Ну, еще мировые СМИ чуть громче, чем обычно, протестуют против действий израильской армии.

Дуглас кивнул:

– Я ж говорил, что у тебя глаз да глаз! И чутье. Я пятерым давал просмотреть эти новости, только ты уловил это крохотное, но такое важное изменение.

Стивен посмотрел настороженно:

– И что особенного? Весь мир у нас под контролем, ядерные запасы уничтожены, военные заводы остановлены по всему миру... кроме Израиля. Понятно, что будет расти давление. Оно и растет.

Дуглас смотрел хитрым глазом.

– Тепло, – произнес он поощрительно, – тепло...

Стивен вздрогнул.

– Погоди, – уточнил он осевшим голосом. – Уже то, что говоришь это мне ты... Вступаем в игру без подставных фигур?

Дуглас по-мальчишечьи огляделся по сторонам.

– Я тебе ничего не говорил, – сказал он. – Даже не намекал! Но, похоже, нам еще придется понюхать пороху. Ты как?

– Счастлив, – ответил Стивен откровенно. – Я на этой бумажной работе закисаю. Хоть разок еще ощутить на себе форму морпеха.

Дуглас подмигнул:

– Ты даже не представляешь, какая теперь форма!.. Я вчера вернулся с одних испытаний... Ну скажу тебе, чувствовал себя совсем нечеловеком, когда примерил этот костюм с сервомоторами. Его можно назвать, скорее, скафандром. Можно, представляешь, запрыгнуть даже на крышу трехэтажного дома. А если включить ранцевый двигатель, то и на сорокаэтажный. Я, правда, не рискнул, но видел умельцев, которым это как горсть чипсов сожрать. Понятно, выдерживает прямое попадание танкового снаряда!.. Конечно, кости переломает, но костюмчик все равно цел...

Он захохотал, очень довольный, Стивен спросил с удивлением:

– Новые разработки?

– Из старых, – отмахнулся Дуглас. – Все разработки нового оружия прекращены даже у нас. Это последнее, что успели запустить в производство. Сейчас решают, останавливать ли завод, все-таки могут быть всякие локальные конфликты...

– Будут, – угрюмо сказал Стивен. – Сколько раз говорили насчет самой последней и окончательной войны!

– Зато войны мельчают, – ответил Дуглас довольно. – После того как нам удалось разложить изнутри Россию, то справиться с Китаем, как помнишь, не представляло труда. С остальными вообще. Так что в конце концов будем воевать только с комарами да тараканами.

– Надеюсь, до этих времен не доживем, – ответил Стивен.

– Зайди ко мне вечером, хорошо? Эльза приготовит твой любимый яблочный пирог.

– Ловлю на слове, – предупредил Стивен.

Он раздумывал над словами Дугласа остаток рабочего дня, так и эдак поворачивал во все стороны. То, что на Израиль оказывается все возрастающее давление, замечают даже поглощенные шопингом домохозяйки. Он очень хорошо помнил день, когда в Париже сожгли еврейский социальный центр. На обгоревшей стене тогда осталась надпись: «Без евреев мир будет счастливее», а также пара торопливо начертанных свастика. Премьер-министр Жан-Пьер Раффарен тут же бросился к месту происшествия и заявил: «Это не Франция. Это отвратительно и неприемлемо. Франция будет действовать крайне сурово против тех, кто проповедует антисемитизм... авторы этого преступления получают по 20 лет тюрьмы». Он также добавил, что прокуратура будет просить максимального наказания, а все силы страны будут мобилизованы, чтобы преступники, совершившие акцию, были в самое ближайшее время арестованы и сурово наказаны.

Эта акция, как тогда писали, потрясла всю Францию. К выражению негодования присоединился весь истеблишмент, начиная с Жака Ширака, который в специальном коммюнике по этому поводу выразил глубокое негодование и громкогласно осудил безобразный акт. Его гневную речь крутили

по новостям почти неделю непрерывно.

И вот неделю тому сожгли крупнейшую в Париже синагогу. Погибло двенадцать молящихся, получили ожоги не меньше пятидесяти, однако ни президент, ни правительство не обмолвились и словом. Мало ли во Франции происшествий, вон на Сене перевернулся катер с тремя пассажирами, двое суток телекомпания показывают кадры с места трагедии.

Еврейские организации начали было привычно бить тревогу, но все те, кого они подталкивали в спину и требовали гневных выступлений, сейчас вяло отговариваются то плохим здоровьем, то нехваткой времени, то еще чем-то крайне важным. А кто-то даже выразил недоверие, что синагогу подожгли фашисты или антисемиты, потому, дескать, преждевременно их осуждать, а что, если сами евреи и подожгли, чтобы вызвать нужную им реакцию?

Эта точка зрения, как ни странно, восторжествовала. Назначили расследование, причем с таким же рвением, как искали поджигателей, искали улики, что это сами евреи подожгли свою синагогу, как гитлеровцы в свое время – рейхстаг. Население вроде бы даже вздохнуло свободнее, не натываясь на гневные филиппики против антисемитизма, на призывы обуздать неонацистов и на требования жестоких наказаний тем, кто хотя бы посмотрит косо на еврея.

Если в прошлый раз, когда сожгли еврейский центр, министр внутренних дел Доминик де Вильпен потребовал

«мобилизовать все усилия, чтобы найти преступников», то нынешний министр внутренних дел отнесся к этому делу так, как должен отнестись министр: дело не настолько важное, чтобы им занимался чиновник такого высокого ранга лично, это в компетенции префекта полиции. Или даже комиссара. Преступления против евреев будут расследоваться так же, как и против французов, а не как против каких-то божественных существ, как было раньше.

Это тоже вызвало, с одной стороны, растерянность и смятение, с другой – ликование, что очень скоро начало приобретать весьма острые формы. Уже весь мир с напряжением и ожиданием чего-то нового следит за Францией, там проживает самая большая еврейская община в Европе, около 600 тысяч евреев. Там же чуть больше двенадцати миллионов мусульман, то есть самая многочисленная исламская община на континенте. Мусульмане воспрянули первыми, их ярость обрушилась на евреев. Двоякие чувства французов отразились в массе новых анекдотов про исламистов и евреев: не любят и тех и этих, но как хорошо, когда одни бьют других! Властям пришлось придерживать мусульман, чтобы не слишком выходили из рамок, а это оказалось не легче, чем обнаглевших, по мнению рядовых французов, от безнаказанности евреев.

Но все равно мир понимает, что на самом деле все начинается в США. И кончается там же.

У себя в кабинете Стивен включил новости, посмотрел,

под каким углом подают их крупнейшие телеканалы, быстро проглядел ряд сообщений по Интернету, сразу отсортировав нужные по ключевым словам.

Вошла Джоан, милая секретарша, тихая и застенчивая, настоящая крестьянская девушка из глубинки, лишь самый узкий круг имеет доступ к ее послужному списку и знает скрытое от посторонних глаз звание этой скромницы.

– О, – сказала она одобрительно, – у вас монитор стал пошире. А сам комп мощнее... Даже мышь оптическая... С прицелом?

– Привет, Джоан, – сказал он, – можно мне чашечку кофе?

Она пожала плечами:

– У врача спрашивайте.

Он не понял, переспросил:

– У врача?

– Откуда я знаю, – ответила она обиженно, – можно вам кофе или нет?

Но не выдержала, засмеялась:

– Шеф, хоть кофе и реабилитировали, но... вдруг завтра снова скажут, что это яд? А вы, как истинный гражданин нашей великой державы, колеблетесь вместе с модой на здоровый образ жизни?

Он отмахнулся:

– Я эти вопросы оставляю специалистам. Как говорят, так и поступаю. А о здоровье сейчас принято заботиться.

Она улыбнулась, он видел, что от ее прищуренного взгля-

да не укрылась ни его слегка помятая рубашка, ни волосы, пора подстричься, ни чересчур быстро отрастающая щетина на подбородке.

– Вы такой обходительный мужчина, – заметила она, – а все еще один. Говорят, вы даже кофе приносили жене каждое утро прямо в постель?

– Верно, – согласился он. – Ей оставалось только смолоть.

Она засмеялась, вышла, через пару минут вернулась с большой чашкой дымящегося кофе.

– Смотрите, шеф, – предостерегла с неизменной улыбкой деревенской простушки, – вдруг да вредный? Может быть, лучше перейти на энерджайзеры? Все ими пользуются!

– Мне кофе навредить не успеет, – ответил он.

– Шеф, – сказала она обиженно, – вы совсем не старый! А то и мне придется вспомнить, сколько мне на самом деле!

– Ты еще ребенок, – ответил он тепло.

Когда она удалялась, он невольно проводил взглядом ее подтянутый округлый зад на длинных ногах. Настоящий мужчина, вспомнилась расхожая мудрость, тот, кто встает утром, пьет чашку кофе и... идет домой. А он совсем еще не старый, но вдруг потерял вкус к этому делу. Способности не потерял, но желание исчезло. Друзья и коллеги по такому поводу уже осаждали бы психоаналитиков, он же помалкивал, а с той поры, как оба сына женились и съехали, вообще жил уединенно.

Друзья пару раз затаскивали его на домашние вечеринки,

где ухитрились оставлять с хорошенькими женщинами. Он привычно занимался с ними сексом, дело знакомое, это как езда на велосипеде: если научился в детстве, то и через сорок лет сядешь и поедешь. Так и у него получалось без сбоев, классически правильно, но только без желания взять номер телефона и повторить все снова через денек-другой.

Старею, мелькнула мысль. Психологическая старость приходит раньше физической. Тело еще способно к альпинизму, но сам считаешь дуростью подниматься по лестнице на третий этаж, когда лифт рядом.

Прихлебывая мелкими глотками горячий кофе, вспомнил анекдот, рассказанный недавно в отделе. Мол, в кафе англичанин, француз, русский, чукча и еврей. Всем подали кофе с мухой. Англичанин выплеснул всё. Француз выбросил муху и выпил кофе. Русский выпил кофе с мухой. Чукча съел только муху, потому что не знал, что такое кофе. Еврей выпил два кофе, так как променял свою муху на чукчин кофе. Все хохотали, снова посмеивались и одновременно признавали хитроумность и небрезгливость еврея, как уже давно признали и закрепили в шуточках педантизм немцев, бабничество французов, болтливость итальянцев, пьянство русских или тупость американцев.

Вообще-то признали бы и простили евреям даже хитроумность, если бы это не было записано у них в их доктрине. Мол, мы – самые умные. Потому что у нас особая кровь, мы – высшая раса, а вы все – говно. Вот это, похоже, современ-

ный человек прощать готов все меньше и меньше.

Памятуя, что капля никотина убивает лошадь, а чашка кофе – клавиатуру, он держал ее осторожно и, вытянув шею, заглядывал в экран, где слишком быстро бегут слишком мелкие цифры, а менять разрешение не хотел, предпочитая охватывать всю картинку разом.

От крепкого горячего напитка в голове прояснилось, никакие энергетики так не очищают мозг и не настраивают на работу, как старый добрый кофе, тщательно отобранный у негров, как говорят в рекламе.

Грубо говоря, сперва много веков в жизни людей стояла только одна задача: выжить, обеспечить себя едой и всем необходимым. Но вот совсем недавно – обеспечили. Наконец-то наелись. Да так, что начали лопаться от жира. Встала во весь рост другая, совсем неожиданная и смешная задача: что бы съесть такое, чтобы похудеть?

Но вот, наконец, и с этой задачей почти справились с помощью появившихся чудо-пилюль и фитнес-залов. И тогда, удовлетворив наконец-то самые насущные потребности организма, человек огляделся по сторонам, погладил сытое брюхо, и восхотелось еще и культурки тяпнуть. Можно бы, конечно, и раньше, но это немногие могут, голодая, заниматься культуркой, а нормальный средний человек на то и нормальный средний квирит. И вот теперь он, средний человек, оглянулся и увидел одно неприятное пятнышко, портящее всю картину.

Оказывается, он вот такой замечательный и уникальный – все равно говно, животное, если взглянуть на него с точки зрения еврея. Те – высшая раса, богоизбранный народ, а все остальные – простой говорящий скот, с которым нужно обращаться, как с опасным животным: вежливо, с улыбкой, не дразнить попусту, когда нужно – доить, а когда и вести под нож. Все имущество скота можно отбирать без всяких зазрений совести, этого же не у человека, то есть еврея, у тех нельзя, нехорошо, а у гоя – можно.

Генри Форд сказал однажды: «Евреи не нация. Евреи – организация». Увы, если это было так, все народы с этим охотно смирились бы. Никто не ропщет, что у штангиста лучше мускулы, у шахматиста – извилины, а у летчика – реакция. Тренируйся, и будешь таким же. Никому не заказан путь в нобелевские лауреаты по науке или культуре, это известно, и всяк знает, что у него есть шанс.

Однако же, оказывается, есть народ, который считает себя лучше других всего лишь по факту крови, расы! И это открыто пишет в своей программе или доктрине, как там! Да за такое фашистскую Германию вбили в землю по ноздри, а потом размазали катком. Так чего терпим от евреев такое открытое надругательство?.. И поехало, у сытых и в целом довольных жизнью людей появилась возможность заниматься и этим, раньше третьестепенным, вопросом, который при сытой жизни вышел на первое место и стал жизненно важным.

И закипела кровь в жилах. У кого это выражается в скрытом недовольстве еврейским засильем, у кого в осторожном сопротивлении, а молодежь сразу хватается за бейсбольные биты, поджигает синагоги, рисует на стенах еврейских домов свастику... Не потому, что считает фашизм чем-то хорошим, а чтобы досадить евреям, напомнить, что и на них находится плеть... хоть иногда.

Прозвенел колокольчик, на экране замигал зеленый кон-вертик: в файл писем и важных сообщений валилась новая порция циркуляров, он поморщился, все свои писульки считают важными, переключил экран на заголовки новостей, быстро пробежался по гиперссылкам.

Вот резкий протест правительства Израиля на заявление Би-би-си, что Израиль якобы обладает арсеналом не только ядерного, биологического и химического оружия, но и проводит спешные исследования по созданию генетического оружия, способного поражать определенные расы и даже нации. Можно, как уверяют эксперты, создать генетическое оружие, что будет поражать только рыжих и щадить блондинов и брюнетов, можно истребить китайцев или сделать их стерильными.

Особый протест вызвало цитирование Торы, где пророчествуется, что все народы вымрут, а останется один Израиль, всемирный Израиль, и тогда лишь люди придут к Богу. В прессе тут же начались спекуляции на тему, что в самом деле возможно создать генетическое оружие, что уничтожит

на Земле все население, кроме евреев, и тем самым мечта ортодоксальных иудеев осуществится.

Кое-где по этому поводу прокатились погромы. Отметились в основном подростки, однако воспользовались ситуацией арабские террористы и нанесли несколько чувствительных ударов. Взорваны синагоги вместе с молящимися, убиты восемь из наиболее видных банкиров, с великим трудом удалось предотвратить новый взрыв Всемирного центра торговли, который, как известно, снова оккупировали евреи.

Израильская печать обвинила правительства сразу нескольких государств в том, что террористические акты не расследуются с той тщательностью, как обычно в этих странах. Создается впечатление, дескать, что власти не торопятся вылавливать преступников, убивших множество евреев, а это говорит об антисемитизме самих европейских государств.

В свою очередь, главы европейских государств начали отвечать непривычно резкими нотами. Обстановка в мире весьма накалилась, накалилась... Но, конечно, затихнет само собой, хотя и после наверняка будут сообщения, что израильская армия в ходе большой операции против палестинцев применила неизвестный газ, который по воздействию отличается по всем параметрам от известных ранее. Так положено спускать опасные новости, не обрубая сразу.

А вот сразу в двух газетах вспыхнули жаркие дискуссии, может ли этот неизвестный газ, примененный израильской

армией, быть пробой генетического оружия. При этом почти никто не поставил под сомнение его применение, что сперва взбесило, а потом ввергло в отчаяние главу пресс-службы Израиля Аарона Терца. Он обвинил Англию в антиизраильских настроениях, что только вызвало смех у читающих газеты: как будто это новость, что все относится к израильтянам хуже, чем к любой другой нации, уже на том основании, что те, другие, не заявляют о себе как о высших существах.

Глава 2

Конференц-зал выглядит мирным и уютным, в широкие окна светит ласковое солнышко, по небу медленно и величаво плывут подсвеченные золотом облака. Далеко блестит после дождика скоростное шоссе, быстрыми жуками проскакивают крохотные автомобили. Солнце светит в окна уже на излете, склоняясь к горизонту, отчего лучи приобрели красноватый оттенок.

Файтер невольно скользнул взглядом по юркому самолету, что штопором ввинтился в небо, делая сложный разворот. Мелькнула мысль, что нельзя подпускать самолеты так близко к президентскому дворцу, но тут же усмехнулся: конференц-зал расположен на полукилометровой глубине под скальным массивом, и все эти «окна» – всего лишь экраны из так называемой «электронной бумаги».

В прошлый раз на совещании присутствовали госсекретарь, министр обороны, директора УНБ, ЦРУ и ФБР, а также главы выделенных в отдельные управления разведок воздушной, армейской и морской. Был также начальник военно-космических сил, новое управление, очень быстро набирающее мощь, и то совещание считалось весьма представительным, а сейчас президент готовится принять всего-навсего одного человека, что указывает на столь высокую степень секретности, какая вообще раньше просто не применялась и

не существовала.

Распущены все армии мира, подумал он, кроме американской, естественно, что взяла на свои плечи всю тяжесть по поддержанию мира во всем мире. Прекращено производство оружия во всех странах, кроме, конечно, США, но и здесь его производят лишь на замену отслужившего срок. Это сразу дало колоссальный эффект, мгновенно оздоровив экономики всех стран, освобожденных от необходимости кормить ничего не производящую армию и содержать заводы, что выпускают танки, на которых нельзя ни пахать, ни сеять.

Остаются только террористы, но их время истекает. Контроль над вооружением становится тоталитарным, всеобщим. Пока что эти неандертальцы еще мастерят самодельные бомбы, что чаще взрываются у них же в руках, в гаражах, но скоро за всем, могущим послужить взрывчаткой, будет установлено полное наблюдение на всех этапах. Это значит, что о каждом потенциальном террористе будет известно с момента, как он купит килограмм химического удобрения для своего огорода, могущего после очистки стать взрывчаткой.

И только одно место на земном шаре остается закрытым для контроля. Никто не знает, что творится за дверями его научно-исследовательских институтов, никто не знает, сколько у них ядерного оружия, какие там средства доставки, какое еще высокотехнологическое оружие начинает производиться в его военно-промышленном комплексе.

Тихонько звякнуло, автоматические двери распахнулись. Из лифта вышел молодцеватый подтянутый Гартвиг.

На Файтера пахнуло силой и уверенностью кадрового военного. Высокий, с короткой стрижкой ежиком, уже весь в серебре, короткие жесткие усы тоже целиком серебряные, лицо темное от солнца, в тех морщинах, которые не выглядят признаками старости, а именно подчеркивают значительность, мудрость, глубину размышлений.

Файтер знал, что Гартвиг очень немолод, ему почти в деды годится, во всяком случае, в отцы – наверняка, однако и седина, и морщины, и старомодный крой костюма всего лишь оттеняют его мощь. Он даже сидит на совещаниях всегда прямо, никакой расслабленности ни в крепко сбитой фигуре, ни в лице. Глаза всегда смотрят прямо, остро, на лету считывают движения лицевых мускулов, и он почти всегда заранее знает, что ему скажут.

Файтер сделал шаг навстречу, рукопожатие дружеское и очень искреннее, работают вместе давно и доверяют один другому.

– Господин президент...

– Привет, Джордж. Садись поближе. Кофе не предлагаю, сам варить не большой любитель, а этим современным автоматам не слишком доверяю. Больно они сложные...

Гартвиг вежливо улыбнулся, сел на указанное место, привычная церемония: президент приглашает сесть и даже указывает куда, а он благодарит и садится именно в это кресло.

– Господин президент, – начал Гартвиг, – положение очень серьезное, но сегодня я получил еще более угрожающие сведения.

– Террористы?

– Возможно, – ответил Гартвиг, – но не арабы.

– А кто?

– Нанотехнология, – ответил Гартвиг, – увы, набирает скорость, будь она проклята. Некоторые устройства уже через два-три месяца смогут уменьшиться более чем на порядок.

Файтер кивнул, про себя подумал, что хорошо бы таблетку аспирина, спросил, борясь с головной болью:

– Речь о ранцевом варианте?

– Совершенно верно, господин президент, – сказал военный министр угрюмо. – Мы ввели войска в страны, гораздо менее опасные для нас и человечества, но оставляем абсолютно закрытой для нас страну с мощным ядерным потенциалом, мощными ракетными установками, способными нести ядерные заряды на тысячи миль... Я уж не говорю о том, что в их закрытых лабораториях может производиться как биологическое оружие, так и... я не знаю, что они там делают! Может, господин Олмиц знает?

Файтер даже не стал переводить разговор на ЦРУ, его ответ на подобные вопросы он получил вчера, сказал устало:

– Да, при современных темпах миниатюризации скоро крупный военный завод можно будет размещать в простом коровнике. Как я понял, вы пришли с конкретным планом?

Глаза военного министра блеснули, он кивнул и начал вынимать из кейса бумаги. Явно повеселел, на его лице проступило откровенное, что наконец-то дождал президента, наконец-то пришла пора решительных мер. Черта с два ты бы дождал, подумал Файтер хмуро, если бы не общая обстановка в мире. Чуть ли не ежедневно весьма настойчиво спрашивают союзники: почему на Ближнем Востоке оставлено государство, доктрина которого нацелена на мировое господство? И если вы, США, не решаетесь с ним схватиться за власть над человечеством, то уступите место более решительным!

Он внимательно всматривался в бумаги, на лице отразилось недоумение.

– Вы ж намерены задействовать чуть ли не всю армию!

Гартвиг скупно улыбнулся:

– Ошибаетесь, господин президент.

– Как это ошибаюсь?

– Я просил бы вашего разрешения задействовать именно всю. Как ни смешно это звучит, но я предвижу больше сложностей, чем даже когда мы ломали хребет Ирану и Сирии, за которые вступилась Саудовская Аравия и прочие арабские страны... К счастью, Израиль – это узкая полоска средиземноморского пляжа, которая простреливается насквозь.

– И что у вас за вариант?

Гартвиг провел пальцем по карте:

– Со стороны Средиземного моря подводим основную часть нашего флота. Пару авианосцев, десятка три линкоров,

а также все транспортники, переоборудованные под плавучие пусковые установки крылатых ракет. Одновременно окружаем Израиль с суши, сконцентрировав войска на границах с Иорданией, Сирией и Египтом. Естественно, над Израилем зависнут наши военно-космические войска...

– Не входя в его воздушное пространство?

Гартвиг наклонил голову:

– Очень точно замечено, господин президент. Они будут находиться в космосе, вне зоны действия международных законов о суверенном воздушном пространстве. На высоте, где носятся все спутники... Но в то же время каждый израильтянин будет знать, что он как муравей под лупой и... под прицелом целой армады!

Файтер скупно улыбнулся.

– Главное, чтобы все поверили, что мы готовы к самым решительным действиям. Потому нужно проделать так, словно речь идет о подготовке к настоящему вторжению. Нужно, чтобы все в Израиле поняли: стоит нам высадить всего лишь морской десант с кораблей, израильтяне проснутся в другом государстве. Вернее, государства уже не будет. А будет территория, которую надлежит благоустраивать на благо всего человечества всем... человечеством. Не только израильтянами.

Файтер долго смотрел на карту. Израиль в самом деле похож на пляж, простреливаемый насквозь. А со всех сторон гигантские арабские государства, которые, по сути, уже не

являются государствами, так как лишены армий, военных заводов и даже конструкторских бюро, работающих на вооружение. У всех у них оставлены только полицейские силы.

– Вы считаете, что сумеем дожать этот строптивый народ?

– Сумеем, – ответил Гартвиг твердо и посмотрел ему в глаза. – С арабами не получилось потому, что мы придерживались тактики точечных ударов, а потом на огромных территориях пытались установить привычный нам строй... и еще потому, что мы действовали недостаточно решительно. Потому и столько потерь с обеих сторон.

Файтер кивнул:

– Да, если бы тогда на Иран бросили хотя бы весь военно-воздушный флот, мгновенно парализовали бы страну и армию полностью.

– И другие не пискнули бы, – согласился Гартвиг. – Потому я и настаиваю на таком варианте.

Файтер удержал горестный вздох, произнес ровно:

– Начинайте подготовку. Это займет немало времени, а я буду готовить почву для политиков. Однако помните, нашу операцию... назовем ее «Эллинизация», можем, если вдруг понадобится, остановить в любой момент.

Гартвиг снова посмотрел ему прямо в глаза:

– Я понимаю, господин президент. И никогда нигде не упомянем, что такая намечалась.

– Разумеется.

– Разрешите приступать?

– Да, идите... Ах да, еще один важный момент. Такое передвижение войск не скрыть, так что внимание прессы это привлечет. Однако... на всякий случай, вдруг да какие-то события будут отвлекать внимание масс-медиа... ну всякие там тайфуны, наводнения, женитьба короля Брунея на королеве Англии... нужно, чтобы наша пресса, да и мировая, постоянно освещала передвижение наших войск. Впрочем, этим я сам займусь. Вы будьте готовы в интервью подтвердить, что армия готовится вторгнуться в Израиль.

Гартвиг несколько мгновений смотрел в лицо Файтера, тот не моргнул и глазом. Гартвиг наконец медленно наклонил голову:

– Все сделаю, господин президент. Я польщен вашим доверием.

Стивен не пошел даже на обед, невиданное дело, остался в кабинете у монитора. Джоан принесла еще раз кофе и большую тарелку с горой всевозможных бутербродов, какая уж тут забота о здоровье, вздохнула с завистью: шефу не в коня корм, жрет все подряд и ни одного килограмма лишнего, а тут каждое пирожное считаешь...

На экране сменялись новости, Стивен сразу отсеял СМИ, которые работают прямо или косвенно на спецслужбы, их гораздо больше, чем догадывается простой народ, просматривал, кое-что сразу копировал в особую папку.

На первый план вышли события, которые назревали дав-

но, очень давно. Благородное стремление США слить все народы и нации в единое человечество кое-кто попытался истолковать в очень удобном для себя смысле. Дескать, границ не должно быть, все перемешаются в один народ – и вот хлынули из стран Азии и Африки голодные, не желающие работать, нищие толпы в Европу, но у всех на слуху, что здесь безработным выдают такие денежные пособия каждый месяц, что можно жить по-королевски всю жизнь, не работая...

Первой решительные меры приняла Франция. В рекордно быстрые сроки составили, обсудили в правительстве и приняли закон, по которому мусульмане, отказывающиеся полностью интегрироваться в общество французов, то есть... сохраняющие детали мусульманской одежды, посещающие мечеть и прочее, – должны в течение трех месяцев покинуть страну. Разом вспыхнули митинги, протесты. Прогрессом несколько взрывов, как и раньше, когда приезжие полагали удобным моментом выдавить из приютившей их страны новую уступку или льготу. Однако на этот раз Франция приготовилась лучше: наряду с усиленными отрядами полиции решительно выступила и армия, таким образом, протестующих исламистов приравнивали не к митингующим, а к вражеским агентам.

Началась массовая депортация, при которой попутно высеяли и тех мусульман, к которым придраться невозможно, но известно, что мусульмане и дома за закрытыми дверями продолжают оставаться мусульманами.

В Европе такое восприняли с некоторым замешательством, но уже через месяц аналогичный закон прошел в Бельгии. Затем такие же меры приняли в Голландии и Италии. В германском бундестаге выступили с проектом закона об ограничении деятельности иностранцев, под одну из статей этого закона попали и те натурализовавшиеся турки, курды и прочие иностранцы, что уже давно являются гражданами Германии.

В США кривились, однако, в самом деле, неконтролируемый приток людей иного менталитета и отношения к работе грозит обрушить экономику Европы. Тогда голод и катастрофа будут почище тех, что охватили Черную Африку. Более того, сами Штаты усилили пограничный контроль, как на суше, так и на море. Богатые страны потому и богатые, что умеют работать, а не лежат под пальмой и ждут, пока спелый банан упадет в рот. Так что помогать будем, но кормить дармоедов – не беремся. Тем более таких, что не желают даже учить язык приютившей страны и расставаться со своими охотничьими плясками под барабаны.

Звякнула дверь, и хотя входить могут только свои, Стивен быстро переключил канал новостей, чисто инстинктивный жест: даже свои не должны знать, чем в этот момент занимается разведчик.

Вошел Дуглас, чему Стивен слегка удивился, не так уж и часто они видятся в громадном здании. Раз в месяц норма, но чтобы дважды в день...

– Сидишь? – поинтересовался Дуглас. Хохотнул: – Смотри, цыпленка высидишь. Пойдем в буфет чего-нить выпьем.

– И там скажешь, – уточнил Стивен, – чего от меня хочешь?

Дуглас изумился:

– Я?

– Ты, – ответил Стивен, не двигаясь с места. – Я ж тебя насквозь вижу!

– Что, – спросил Дуглас опасливо, – уже и такие линзы изобрели?

Стивен поднялся, размял кости.

– Ладно, пойдем. Не так уж и важно, где проболтаешься.

Дуглас спросил с укоризной:

– Я? Проболтаюсь?

– Якобы нечаянно.

– Зачем мне это?

Стивен сдвинул плечами.

– Наверное, снова хочешь повесить на меня какую-нибудь гадость. Да еще в таком месте, где нет кондиционера, морковного сока...

Дуглас смотрел испытующе.

– А ты откажешься?

Они подошли к двери, Стивен оглянулся. Кабинет просторен, как зал для бальных танцев, стены отделаны дорогими породами дуба, вся мебель от лучших дизайнеров мира, аппаратура на столе и в стенах стоит миллиарды, а за преде-

лами кабинета на него работают сотни высококвалифицированных специалистов, которым он волен повышать и понижать жалование.

– А ты как думаешь?

– Не знаю, – признался Дуглас.

– Эх ты...

– А что, – ответил Дуглас, защищаясь, – должен же ты наконец проникнуться духом комфорта и роскоши!

– Уже проникся.

– И как?

– Тошнит, – ответил Стивен честно.

В нижнем буфете, что на три этажа ниже уровня поверхности, они выпили, Дуглас – апельсиновый сок, Стивен – морковный. Стивен мазнул взглядом по длинным полкам с множеством бутылок разной формы и емкости: с возросшей модой на здоровый образ жизни стало неприлично пить что-то крепче морковного сока, и спиртное как корова языком слизнула.

Со стаканом молочного коктейля неспешно приблизился Джон Фолдинг, рослый светлокожий блондин, даже солярий не смог изгнать розовость кожи. Голубоглазый, с бровями цвета спелой пшеницы, он смотрел на них, как и на весь мир, с добродушной улыбкой, белые зубы сверкают, как ровно уложенные бриллианты.

Англосакс, невольно подумал Стивен, типичнейший англосакс. Такие вот тысячу лет тому высаживались с драк-

каров на берега Англии, мелкие пикты бежали в ужасе перед этими белоголовыми великанами. А сейчас Джон все такой же стройный и широкий, без живота, коротко стриженные волосы давно серебрятся, да у глаз множество морщин, а вместо боевого топора в руках Управление содействия армии. За такими общими названиями обычно скрываются те или иные подразделения тайных служб.

Джон допил коктейль, тут же велел отжать стакан мандаринового сока, буфетчица сыпанула оранжевые плоды в давилку, коротко вжикнуло, и в стакан полился густой ярко-желтый сок. Джон пил с наслаждением, мелкими глотками, смаковал. На Дугласа и Стивена посматривал покровительственно, ведь эти мандарины выращены под бдительным взором ФБР, точно известно, что в них нет никаких нитратов, а гены не модифицированы. Дуглас и Стивен, в свою очередь, смотрели на Джона с жалостью: в современных овощах и фруктах давно нет тех минеральных веществ, что были когда-то, а обогащенные витаминами и минералами соки – то, что надо организму.

Джон допил, облилизал губы, толстые, как у негритянки. Глаза оценивающе перебежали с Дугласа на Стивена.

– Ты уже сказал? – спросил он Дугласа.

– Нет еще, – ответил Дуглас. Покосился на Стивена. – Только этот жук уже и сам почуял. Собственно, это давно носится в воздухе, но Стивен из тех, кто, основываясь на двух-трех догадках, сможет назвать даже точную дату.

– Вот как? – удивился Джон. Пожевал губами, глаза его оценивающе рассматривали Стивена. – Точная дата и нам бы не помешала.

– О чем вы? – поинтересовался Стивен вежливо.

Джон смолчал, только перевел взгляд на Дугласа. Тот вздохнул и сказал коротко:

– Ты знаешь, к чему идет. И предполагаешь в целом, чем закончится. А хорошие подчиненные, угадывая будущие действия хозяев, заранее готовят почву...

– Подстилают соломку? – уточнил Стивен.

– Да, чтобы меньше набить шишек.

– И вы уже начали?

Дуглас переглянулся с Джоном, ответил уклончиво:

– Если подстелить соломку, то это вообще неплохо. Если вдруг что-то произойдет необыкновенное и все изменится, то на соломке, что вроде бы не понадобится, будут кувираться дети, ее пожуют ослики... Словом, начинается подготовка в самых общих чертах. Политики не понимают, что нельзя на другом конце света действовать успешно, если заранее... намного заранее!.. не заслать туда своих людей, которые многое подготовят.

Сердце Стивена билось все чаще. На миг показалось диким бросить все и снова окунуться в жестокий мир прямых акций, когда говорят мало, а стреляют много. Но грудь сама приподнялась, захватывая больше воздуха, он услышал, как кто-то из него ответил очень знакомым голосом:

– Не хотелось бы, чтобы последняя в мире крупная... операция прошла без меня.

– Еще не операция, – быстро возразил Дуглас. Стивен заметил, что и он сделал крохотную заминку перед словом «операция», оба понимают, что более правильное слово – «война». – Просто ты мог бы слетать туда туристом... Или паломником...

– Я не еврей, – возразил Стивен.

– Иерусалим, – напомнил Дуглас, – место рождения двух мировых религий: ислама и христианства. Еще там сотни разных церквей разновидностей христианства: католиков, православных, коптов... и еще каких-то – не упомяну. Я тоже не еврей, чтобы всю эту хрень запоминать.

Джон слушал с улыбкой.

– Я не еврей, – заметил он, – но кое-что помню. Правда, странно? Значит, дорогой Стивен, тряхнем стариной напоследок?... И хотя на этот раз все обойдется без выстрелов, в этом мы абсолютно уверены, все же приятно будет поучаствовать в последней в истории человечества... войне, не будем скрывать!

Стивен насторожился:

– Без выстрелов? Каким образом? Израильская армия очень сильна, а образ трусливого еврея хорош только для анекдотов.

Дуглас и Джон переглянулись снова, Джон сказал загадочно:

– Высоколобые намекают на некое супероружие, что решит все проблемы, не прищемив никому и пальчика. Хотя, по некоторым осторожным предположениям, впервые со времен Второй мировой будет задействована вся мощь нашей армии.

Стивен сказал невольно:

– Ого! Мы что, отражаем вторжение инопланетян?

– Некоторые предлагают... в своем круге, естественно, в порядке дискуссий среди военных, что целесообразно бросить на Израиль всю мощь нашей армии и, так сказать, задавить своим присутствием. Идея нелепая, но что-то в ней есть.

Дуглас хлопнул Стивена по плечу:

– Значит, тебя можно поздравить с прекрасной поездкой в это самое прекрасное в мире место... если не считать наши Штаты, понятно. Зайди завтра ко мне, поговорим о деталях.

– Так быстро? – спросил Стивен. – Мне кажется, эта машина будет раскручиваться еще долго.

– Я тоже так думал, – ответил Дуглас.

Джон поставил на стол стакан с остатками сока, поднялся. Улыбка покинула его добродушное лицо, Стивен увидел снова жестокого викинга, готового к бою.

– События разворачиваются быстрее, чем ожидалось, – сказал он. – Потому нам надо быть готовыми к тому моменту, когда политики завопят истошно, требуя немедленных результатов.

Глава 3

Гургис Декурт, а совсем еще недавно Исхак Шолом, сидел в тени роскошной оливы, наслаждаясь покоем и близостью теплого спокойного вечера. Недавно построенное здание гимназии сверкает белоснежным мрамором, высокие колонны украшены барельефами, а у входа горит в лучах заходящего солнца прекрасно выполненная фигура Аполлона. Благородный мрамор хорошо передает мускулатуру развитого тела, пропорциональное сложение, спокойный и уверенный взгляд солнечного бога.

Он подумал с тайным удовлетворением, что иудейские юноши, что с такой жадностью обучаются в гимназии, мало уступают в размерах мышц эллинскому богу, а такие атлеты, как Пармений и Леонид да еще Лисипп – они уже и сами не вспоминают свои иудейские имена, – явно превосходят. Поэтому они первыми среди иудейской молодежи стали состояться обнаженными, приняв точку зрения греков, что человеческое тело – прекрасно, а не греховно.

Греки принесли на землю Израиля не только высокую культуру философии, поэзии и невиданную здесь геометрию, но резко повысили эффективность местного земледелия. Местные иудеи быстро приновились к эллинской технике, урожаи выросли вдвое-втрое, и потому даже простые крестьяне стали брать себе эллинские имена, как уже сдела-

ли их соотечественники в городах.

Правда, местные жрецы пытаются бороться против эллинизации, но Птоломей Филадельф, правитель всемогущего и необъятного государства, которое включает в себя и такой крохотный клочок земли, как Израиль, как ни странно, встал на сторону местного населения, защитил их верования, велел наказывать тех, кто посмеет навязывать эллинские обычаи. Удивительное дело, можно ли желать лучшего правителя для страны?

Местные жрецы, конечно, недовольны, для них даже лучше, если бы греческие власти их угнетали, тогда к ним выросло бы сочувствие, а так никто и пальцем не шевельнет, чтобы защитить родную веру.

– Равные условия, – сказал он себе вслух. – При равных условиях...

Из-за спины веселый голос закончил:

– ...побеждает сильнейший!

Исхак оглянулся, к нему подходил Неарх. Этот одним из первых полностью отказался от иудейского имени, все его знают только под эллинским. Неарх, чисто выбрит, только что из бассейна, капельки воды блестят на ресницах, подошел и легко опустился рядом на прогретые камни. Белую ткань он обернул только вокруг чресл, оставив торс открытым.

– Как здоровье? – поинтересовался он.

– Спасибо, хорошо, – ответил Гургис.

Он ухмыльнулся, это тоже пришло от эллинов: интересоваться здоровьем собеседника, что было немыслимо при всеобщем контроле раввинов над жизнью иудеев. В здоровом теле – здоровый дух! Эллины это повторяют часто и постоянно занимаются физическими упражнениями. У них даже престарелые патриархи телами выглядят как юноши, ну пусть не совсем юноши, но полные силы мужи, в то время как иудей, сгорбленный не столько от непосильной работы, это привычно, а от бремени, которое несет на себе как сын избранного народа, даже в молодости начинает выглядеть старцем.

С высоты этого пологого холма, где решено было построить гимназию, хорошо видна вся Генисаретская долина, о которой говорят, что природа напрягла все силы, чтобы слить сюда все богатство и все борющиеся между собой виды. Да вообще вся Галилея – край обильных земель, богатых пастбищ и тенистых рощ, там нет клочка земли, непригодного к земледелию, урожаи всегда обильны, а деревья плодоносят одинаково хорошо, как садовые, так и дикие.

Дожди идут не часто, но и не редко, а ровно столько, чтобы напоить землю, а та в ответ дает богатейшие урожаи. На тучных травах пасется скот, который по мощи и здоровью превосходит любой скот других земель. Здесь издавна возделывали хлебные злаки, маслины и виноград, но продовольствия не хватало, пшеницу обычно завозили из других стран, но с приходом греков все изменилось. Впервые маслины и

виноград начали вывозить в другие земли, продавали в Тире и Сидоне, увозили вообще за море.

Хлебные злаки при всей необходимости все-таки не дают того дохода, как маслины или виноград, что растут в Галилее, Заиорданье и в самой Иудее даже в самых сухих местах. Оливковое масло вывозят даже в Грецию, где, казалось бы, своего вдоволь, однако самое ценное и благоуханное масло считалось «регева», его производят только в Заиорданье.

Иудейские крестьяне быстро переняли у греков новые приемы по выращиванию фигов, фиников и винограда, удалось вывести особые иерихонские, дивно сладкие и ароматные, их охотно покупали во всем мире. Те же греки научили получать прибыль из бальзамных рощ и даже кустарников и травы, сок которых намного дешевле, но обладает тоже бальзамирующим действием. Правда, все бальзамные рощи вскоре оказались в руках властей, но опять же – иудейских властей. Греческие власти довольствуются тем, что получают с иудейских городов тот же налог, что и со своих, эллинских.

Оба сидели в тени роскошного платана, наслаждаясь вечерним отдыхом. Внизу у подножия холма тянется главная дорога Иудеи, узкая и невзрачная, очень древняя, ненамного моложе этих гор: ее протоптало когда-то зверье, а потом уже люди, что пришли в эти земли, а по иудейской мифологии – здесь и созданы. Она тянется через всю страну с юга на север, соединяя большие и могучие страны-соседи, но оста-

ся все такой же извилистой и узкой. Среди гор и рек невозможно прокладывать дороги прямо, как, говорят, делается в Персии или в уже забытом Вавилонском царстве.

От этой главной дороги отходит множество мелких, по ширине такие же, разве что обрываются обычно у мелких деревушек землепашцев или садоводов. Дома везде глинобитные, камень только в больших городах, лес собирается кучками чаще всего на холмах и склонах, ибо долины заняты оливковыми рощами или полями.

Гургис неотрывно следил взглядом за одним таким крестьянином, явно горцем: лохматый, дикого и даже свирепого вида, он оставил спутников, таких же дикарей, те продолжили путь в город, а этот начал подниматься по свежепробитой тропе вверх.

Неарх тоже обратил на горца внимание, нечасто здесь, в обители ученой мудрости, где у входа царственно высится мраморная статуя Афины Паллады, покровительницы наук, появляются люди из дальних деревень.

Тот поднялся на холм и неторопливо и как-то даже неотвратимо, как грозовая туча, надвигался в их сторону. Высокий неулыбчивый человек в длинных белых штанах, грубой рубашке и голубой хламиде, длинные тронутые проседью волосы падают на спину, а огромная широкая борода закрывает половину груди.

Хмуро и недобро посмотрел на обоих еще издали.

Гургис сказал тихо:

– Какой великан... С него можно Геракла ваять.

– Шутишь, – ответил так же тихо Неарх. – Если состричь его никогда не стриженную бороду, под нею откроется впалая грудь. А если хоть малость состричь волосы, увидим уродливый череп.

– Зато какая стать, – ответил Гургис, он откровенно любовался величественным старцем. – Если не Геракл, то престарелый Нестор – точно. То же величие во взоре, та же мудрость в облике...

– Да ладно тебе, – ответил Неарх. – Горцы выглядят только устрашающе, но никак не величественно. Дикие звери тоже устрашают!

Он поднялся, невежливо сидеть, когда приближается гость, приветливо улыбнулся. Незнакомец ответил злобным взглядом.

– Хайре! – поприветствовал Гургис. – Чем-нибудь можем помочь тебе, путник?

Неарх сказал серьезным голосом:

– Если жаждешь знаний, то ты пришел в нужное место. Припади к его источнику, и будешь счастлив.

– Меня зовут Мататьягу бен Авраам, – произнес густым могучим голосом горец. – Я деревенский староста, у меня пять сыновей.

Неарх хмыкнул:

– Маловато. Иудеям завещано населять землю, чтобы вытеснить все остальные народы. Как сказал Господь Аврааму:

«Будет у тебя потомства, как звезд на небе, как песчинок в пустыне...» Ты уж постарайся еще!

Горец окинул его холодным взглядом и сказал, обращаясь к Гургису:

– Говорят, мой младший сын вкусил греческой заразы. В своем ослеплении явился даже сюда...

Гургис ответил медленно:

– У нас много славных и способных юношей вкушают плоды науки. Он учит геометрию или основы философии?

– Не знаю, – рявкнул горец. – Но он мой сын, и я хочу забрать его отсюда!

– Как прискорбно ослепление отца, – сказал Гургис печально, – который желает не просвещение сыну дать, а держать его во тьме невежества. Но я знаю, насколько у вас суровы законы... и ты вправе сына наказать, если ослушается. Скажи, как его зовут. Мы приведем его.

Горец сказал зло, повышая голос:

– Я сам отыщу его!

Он сделал движение пройти мимо, но Неарх быстро встал у него на пути, такой же высокий, но с мускулистыми руками кулачного бойца, широкой грудью и недоброй улыбкой на лице.

– Ни шагу, друг мой, – предупредил он без всякой дружеской теплоты. – Нам не нужно, чтобы дикарь вломился во время занятий и сломал ход обучения.

Гургис добавил торопливо:

– Я понимаю заботу встревоженного отца, но, поверь, к нам уже пробовали ломиться всякие... и мы научились справляться с ними! Даже если пройдешь мимо нас, то у входа встретят хорошо обученные стражи и переломают тебе руки и ноги. А то и свернут шею.

Горец часто дышал, кулаки сжимались, глаза метали молнии. Наконец процедил с ненавистью:

– Зови!.. Моего сына зовут Шимон.

Гургис подумал, спросил задумчиво:

– У нас два Шимона...

– Шимон бен Мататьягу! – выкрикнул горец.

Гургис просиял:

– А, знаю. Очень способный юноша. На диво способный. Он одинаково жадно впитывает все, начиная от строения космоса и до управления народами. А с каким восторгом изучает эвклидову геометрию!.. Все-все, понял. Сейчас позову.

Он вытащил из-за ворота туники свисток на цепочке, пронзительно свистнул. Из ворот гимназии немедленно выглянули два устрашающих размеров стража.

Гургис помахал рукой.

– Приведите Шимона бен Мататьягу, – распорядился он. – Они сейчас на той стороне здания с ритором изучают способы, как измерить расстояние до Солнца и вычислить диаметр Земли...

Страж исчез, Гургис улыбнулся горцу примирительно и

благожелательно.

– Присядь, путник. Эти камни – не греческие и не иудейские, это просто камни. Тебе предстоит трудный путь обратно, переведи дух, пока приведут сына.

Неарх добавил злорадно:

– Пусть стоит. Занятия только начались, а ритор не допустит, чтобы кто-то ушел до окончания урока.

Горец смерил его злобным взглядом и сел на камень в двух шагах от них, повернувшись так, чтобы не смотреть в их сторону. Его орлиный профиль был хищно красив, как может быть красив дикий зверь, родившийся и постоянно охотящийся в горах. Гургис окидывал его критическим взглядом и не мог придраться, найти вялость мышц или признаки большого живота.

Хотя иудей в своей рубашке, скрывающей мышцы, но через широко расстегнутый ворот видна сухая мускулистая грудь, а из-под закатанных рукавов выступают перевитые толстыми жилами руки, привыкшие к тяжелой работе. На этом горце ни капли жира, и он вообще-то мог бы потягаться с ними двумя...

Гургису стало неприятно от такой мысли, он-то долго упражнялся с тяжестями, метал диск, отжимался, наращивая мышцы и сгоняя лишний жирок, а этот дикарь и без упражнений получил фигуру, какую можно напоказ, обнаженной...

Он улыбнулся своим диким мыслям, горец придет в ужас

от одной идеи, чтобы обнажиться и в таком виде метать диск, сказал приятным голосом хорошо воспитанного культурного человека:

– Если бы ты увидел сейчас своего сына, то порадовался бы его успехам. Он ни в чем не уступает грекам. Он хватает на лету то, что другим вдалбливают долго и упорно.

Горец смотрел мимо, потом прорычал подобно грозному льву:

– Не всему, что придумано людьми, нужно учиться.

– Знание дает человеку мощь, – сказал Гургис нравоучительно. – Потому человек стремится к знаниям.

– Одни стремятся к знаниям, – огрызнулся горец, – чтобы не делать свои ошибки, другие – чтобы указывать на ошибки чужие.

Гургис хохотнул, ничуть не обидевшись, сказал живо:

– У тебя пыливый ум. В чем-то ты прав, но ведь нужны и те люди, которые выявляют чужие ошибки? Это позволяет их увидеть и исправить! Если думаешь иначе, ты не прав.

– Сознание правоты, – ответил горец раздраженно, – важнее для человека, чем двое свидетелей.

Гургис и Неарх переглянулись: горец непрост. Гургис кашлянул, сказал как можно мягче:

– Как я понял, ты хочешь забрать сына?

– Да, – отрезал горец.

– И не дать ему учиться?

– Он учится дома.

– Чему? Пасти коров?

– Мы не пасем коров.

– Тогда коз? Пойми, если юноша тянется к знанию...

– Только те знания чего-то стоят, – прервал горец, – которые идут от веры.

Гургис широко улыбнулся:

– Ошибаешься. Вера и знания – абсолютно разные вещи. Даже противоположные. Мне жаль, что сейчас закончатся занятия и ты заберешь способного юношу. Он мог бы стать далеко не последним человеком в эллинском мире!.. Но останется всего лишь невежественным пастухом.

Горец повернулся к ним всем телом. Даже сидя, он выглядел великаном, потому что спину держал прямой, плечи развернутыми, а грудь угрожающе бугрится мускулами. Глаза сверкнули, он сказал с гневным жаром:

– Невежественным? Да пусть он останется стократ невежественным, чем окунется в то море гнусностей и непристойностей, которое именуете эллинской культурой!

Гургис охнул, развел руками:

– Море непристойностей? Это о чем, о великих трагедиях Софокла?

К его удивлению, горец не обратил внимания на имя знаменитого драматурга, лишь мотнул лохматой головой, волосы вздыбились, как под порывом ветра.

– Софокл?.. – прорычал он гневно. – Кто говорит о Софокле, когда я вчера видел в выстроенном вами амфитеатре

одни ужасающие непристойности? Как вы пафосно говорите о погоне за красотой!.. Это и есть, по-вашему, красота по-гречески?

– Ну, это... – начал Гургис.

Мататьягу прервал с еще большим гневом:

– Я сам вам скажу! На словах это восхищение шедеврами искусства, а на деле – жажда разделить ложе с красивым мальчиком!

Гургис поморщился:

– Ну, такие наклонности далеко не у всех...

– Не у всех? – изумился Мататьягу. – Я везде слышу «греческая любовь», это почему? Ладно, а добиться благосклонности куртизанки и предаться с нею самым немыслимым скотским утехам – разве это не ваша погоня за красотой?

Гургис возразил сердито:

– Телесные утехы – часть жизни человека. Делать вид, что их не существует, сплошное лицемерие. Так поступают только ваши фарисеи. Так что такое отношение... фарисейство, иначе не скажешь!

Мататьягу пожал плечами:

– Как хотите. Нам больше нравится наш возвышенный Бог, который не опускается до того, чтобы пробираться по ночам в постели чужих жен, пока их мужья на войне. Не совокупляется с животными, как ваш Зевс... Да, ваш Зевс совокуплялся с птицами, рыбами, тритонами! Я даже не знаю, как можно уважать таких богов! И как таким поклоняться?

Гургис вспыхнул, но Нearch удержал, положив широкую ладонь на узкую кисть философа и сдавив, сказал после паузы:

– Честно говоря, и мне это не очень... нравится. Но, к счастью, это остается в стороне, даже в прошлом, а вот наша геометрия, наша драматургия, литература, архитектура... все это наглядно перед глазами. И потому наш народ так охотно эллинизируется.

Мататьягу покачал головой:

– Не весь, не весь.

– Ты имеешь в виду, – спросил Гургис, – какие-то горные деревушки?

– Я имею в виду, – отрезал Мататьягу, – народ Израиля.

Гургис усмехнулся:

– Мы тоже народ Израиля.

– Уже нет, – возразил Мататьягу.

Гургис подумал, согласился:

– Ты прав. Я уже народ этой вселенной. Кем так быстро становится мой народ.

– Это не твой народ, – твердо сказал Мататьягу. – А мой... он пережил и не такое.

Гургис покачал головой:

– С эллинами иудеи еще не сталкивались.

– Сталкивались, – отрезал Мататьягу. – Только тогда вы звались египтянами. Где тот великий народ, под мощью которого прогибалась земная твердь?.. Где Вавилон, который столько держал нас в плену? Где Ассирия, Финикия?..

Он выпрямился, глаза грозно сверкали. Гургис и Нearch снова переглянулись, доводы разума на фанатика не действуют, у них своя вера в свою правоту, тут уж неважно: прав в самом деле или нет, важно ощущение правоты.

В самом деле, тысячи лет евреи скитались крохотным кочевым племенем. Маленькой такой мышкой, сновавшей между ног таких гигантов, как потрясавшие вселенную государства Вавилонское или Ассирийское, не раз походя разорявшие Палестину. Каким образом евреи сумели выжить и сохраниться в течение двух тысячелетий среди непрерывных схваток и взаимного уничтожения всех этих великих держав?

Гургис на миг ощутил укол совести, словно по его вине эти невежественные люди, пережив два тысячелетия блужданий, рабства, массовых уничтожений и изгнания, снова вернулись на свою родину, – лишь затем, чтобы немедленно оказаться перед угрозой уничтожения. Но на этот раз им не уцелеть, чуда не будет.

Он вздохнул, уже сочувствуя к мятущемуся варвару, так и не понявшему, что ход истории не переломить.

– Все, – сказал он и снова вздохнул, – к чему прикасается Эллада, тотчас эллинизируется. Тут уж ничего не поделаешь, ни один народ не в состоянии противиться сказочной красоте греческой культуры, глубине философии, величию их жилищ и стадионов. Но разве не так должно быть? Низшее уступает высшему.

Мататьягу сказал резко:

– Выше всех – Бог! Пока мы верны ему, он нас не оставит.

– Уже оставил, – заверил Гургис.

– Нет, – возразил Мататьягу.

– Но ты же видишь, что твой народ уже эллинизировался?

– Я – нет, – отрезал Мататьягу. – И мои дети – тоже. Да, мы горцы, но мы чтим заветы. Это испытание, которое посылает нам Господь.

– Не слишком ли суровое?

– Каждому народу посылает по его силе, – ответил Мататьягу немедленно. – Кому не посылает, того не уважает. Господь наделил человека свободой воли, так что человек может по своему выбору обратиться к Богу или отвернуться от него. Он может действовать во славу Божию или против него. Не всякая удача обязательно обусловлена Божьим благословением. Человек может достичь власти просто потому, что не считается ни с какими законами морали, а вовсе не потому, что ему помогает Бог. Это оставляет Богу свободу возлагать на человека ответственность за его поступки – как за достижения, так и за неудачи.

Гургис морщился, но Неарх как будто погружался все больше в раздумья, будто в бредовых глупостях фанатика есть какая-то крупица истины. Греческая идея богов подчиняет человека богам. Еврейское представление об отношении человека к Богу делает евреев свободными в их действиях. Ни о каком фатуме у них не может быть и речи. Хорошо

это или... нет?

От гимназии раздались веселые голоса. Первыми вышли два стража, за ними группа юношей в белоснежных туниках. Один из стражей указал в сторону ожидающего горца и что-то сказал ученикам.

Гургис поднялся одновременно с горцем.

– Оставь сына в гимназии, – попросил он.

Горец не ответил, широкая борода распушилась, глаза вспыхнули грозным огнем. Не двигаясь, он испепелял взором черноволосого красивого юношу, что подходил смущенно, словно девушка, запинаясь и смотрел под ноги.

– Так вот как ты использовал свободное время, – прогремел горец. – Ты не мог придумать ничего лучшего!

– Отец, – сказал юный Шимон, опустив взор, – я же не к блудницам пошел.

– Лучше бы к блудницам, – бросил горец горько. – Там пачкаешь только тело, но не душу. Пойдем, расскажешь братьям, как низко ты пал...

Юноша бросил виноватый взгляд на Гургиса и Неарха, понурил голову и пошел за грозным отцом, а тот ни разу не оглянулся, спускался с холма быстро, почти бежал, словно скверна цеплялась за его ноги.

Неарх сел, Гургис беспокойно переступал с ноги на ногу, все в нем кипит, где же безмятежность философа, нельзя же так становиться на дыбки, словно молодой конь, но сердце все колотится о ребра, а грудь вздымается, словно только что

вылез на берег после заплыва через морской залив.

– Ты слышал? – спросил он в великом раздражении. – И этот народ считает себя богоизбранным!

Неарх ответил медленно:

– В этом нет противоречия...

– В чем?

– В избранности их богом. Вот представь себе мелкого всеми отвергнутого бога. Ну ты же знаешь, что, помимо олимпийцев, у нас тоже много всякой мелочи, которой не только не ставим алтари и жертвенники, но даже не упоминаем...

– Ну-ну!

– И вот такой бог говорит этой кучке, что если они станут его народом, если изберут его своим богом, а другим поклоняться не будут, то он из кожи будет лезть, но сделает для них все. И вот представь себе: могучие олимпийские боги на людей посматривают равнодушно, а то и вовсе не смотрят, а этот будет заниматься людьми этого племени, помогать им, спасать их, направлять... Подумай, в хорошее время от такого божка все равно отвернулись бы, но когда находишься в плену, в рабстве, на строительстве ужасных и крайне безобразных пирамид...

Гургис подумал, сказал саркастически:

– Да, они могут себя считать богоизбранным народом. Избранным именно тем настолько уродливым божком, что он не решается даже показать свое лицо и потому велит почи-

тать себя, как незримого. Но остальные боги – наши боги! – иудеев не избирали. Наши боги вообще на них смотрят, как на грязь под ногами.

Неарх посмотрел на него с некоторым удивлением, но кивнул, сказал задумчиво:

– В целом – да, верно.

– Они же все в хлевах живут! – воскликнул Гургис зло. – Ты видел их хижины? Нет, ты видел?

Неарх благодушно отмахнулся:

– Я в такой родился. Это ты горожанин, а я успел побыть иудеем до юношества... Да, конечно, наши величественные здания с их хижинами не сравнить. Но мы их уже научили строить. К счастью, учатся быстро. Ты по себе знаешь. Редкие греки так жадно впитывают эллинскую культуру, как это делаем мы, недавние иудеи.

Гургис сказал так же напористо:

– Статуи, картины, здания – безусловно, признак культуры. Но не в меньшей степени это касается и литературы. Более того, литература – самое высшее выражение культуры народа. Греки дали миру замечательную литературу! Это обеспечило им самое высокое место среди всех культурных народов. А что дали эти узколобые фанатики?

Неарх помыслил, подвигал складками на лбу, в глазах мелькнула смешинка, но вслух сказал:

– Кое-что дали, но... продолжай.

– Эллинистическая культура, – Гургис говорил несколь-

ко агрессивно, ему показалось, что Неарх не согласен или недостаточно согласен, – состоит из двух потоков греческой цивилизации. Один из этих потоков – греческое искусство, архитектура, наука и философия. Вторым – греческий образ жизни: обычаи, этика и религия. Согласен?

– Пока да. Продолжай.

– Ах, «пока»! Ладно, фарисеи, резко выступающие против эллинизма и отвергающие греческие обычаи и этику, в то же время довольно жадно заимствуют греческое искусство и философию. В свою очередь, саддукеи, которые перенимают греческие обычаи и этику, отвергают эллинское искусство и философию. Пока верно?

– Это бесспорно. Давай ближе к выводам, а то говоришь со мной, как с одним из своих учеников.

– Прости. Вывод таков, что, кто бы из них ни победил, эллинизация будет идти, как идет. Через два-три поколения здесь не найдут человека, который говорил бы на арамейском или на иврите. К счастью, иудеи очень восприимчивый к прекрасному народ, в отличие от пелазгов или аоров, которых греки тоже переварили, хоть и с большим трудом.

Неарх сказал благодушно:

– Да-да, мы очень восприимчивый к прекрасному народ, потому и среди греков мы стали самыми лучшими из греков.

Гургис перевел дыхание, пора бы успокоиться, далекая фигурка горца по имени Мататьягу с его несчастным сыном уже едва видна, а его все еще колотит.

– Должен сказать, – заговорил он, стараясь, чтобы голос звучал академично, – у нас с иудеями разные не философские взгляды, а философские системы. Мы верим в святость красоты, тогда как иудеи верят в красоту святости. В этом что-то есть, есть... Но в то же время, несмотря на присутствие в иудаизме некой философии, в самом иудаизме столько грубого, эстетически отталкивающего, что ни один культурный и просвещенный человек не может воспринимать его всерьез!

Неарх хмыкнул.

– Да ладно тебе!.. Ты чего кипятишься?.. Успокойся. И не принимай так близко к сердцу. От этих фанатиков уже в этом поколении останутся не больше десятка самых узколобых и непримиримых. Остальные примут доводы логоса. Или тебе их жалко?

Гургис содрогнулся.

– Боги! Ничуть. Пусть все сгинут, да побыстрее.

Но умолчал, что все время перед ним горящий взгляд этого, как он назвался – Мататьягу бен Авраам, под ложечкой нехорошее предчувствие, что с этим диким фанатичным народом еще придется хлебнуть горя.

Глава 4

Быстрее, чем ожидалось, вспоминал Стивен по дороге домой. Да, люди наконец-то нажрались. А потом еще и похудели. А теперь возжаждали справедливости и равенства, из-за этого и геев признали за людей, и животным дали больше прав, чем людям, и еще всякую хрень, но в это же время начали все острее негодовать на иудейскую доктрину еврейской исключительности по расовому признаку.

На днях закончился наиболее массовый опрос из всех когда-либо проводившихся в США. На этот раз решили опрашивать не тысячу американцев, как обычно, а миллион, а после одобрения акции число опрашиваемых повысили до десяти миллионов. Газеты возликовали, при таком массовом опросе получится самая достоверная картина американского общественного мнения.

Результаты не показались ошеломляющими, американцы и ожидали что-то подобное, но Израиль встревожился, даже выразил осторожное сомнение в корректности подсчетов и методике опрашивания.

Девяносто пять процентов американцев считает, что абсолютный контроль США над всем миром – благо, но девяносто два процента из них указывает, что Израиль сохранил свою армию, а для такого крохотного государства армия чересчур велика и сильна.

Восемьдесят пять процентов полагает, что арабские страны теперь будут стремительнее вовлекаться в общую семью народов, но именно американской армии нужно взять на себя разрешение конфликтов между Израилем и жителями арабских сел. Тем более что Израиль сохранил все вооруженные силы, а вот армии арабских стран ликвидированы по требованию США: где силой, где давлением, где умелой дипломатией.

Девять из десяти опрошенных полагают, что нужно демилитаризовать весь Ближний Восток, включая Израиль, а во всех горячих точках расположить только американские войска, которым одинаково безразличны обе стороны. Они лучше смогут поддерживать мир, чем не оправдавшие доверия миротворческие силы ООН.

Самое тревожное в опросе было то, что впервые почти половина опрошенных заявила о недоверии к закрытым израильским научно-исследовательским центрам, лабораториям и различным институтам, где, возможно, проводятся эксперименты, запрещенные всемирными комитетами, начиная от медицинских и заканчивая комитетами этики.

Стивен перепроверил источники финансирования многих СМИ, практически все высказавшиеся особенно остро действительно независимые, в самом деле держат нос по ветру и стараются выразить мнение своих подписчиков.

Он сел за руль своего «Крайслера», охранник впереди подал знак, что узнал, и открыл бронированные ворота.

Нога привычно добавила газку, автомобиль охотно выметнулся на магистраль и пошел на большой скорости, небольшой антирадар засекает присутствие дорожных постов полиции, в нужных местах он сбавлял скорость, забавляясь тем, что хитрое снаряжение разведчика срабатывает и в родной стране.

Внезапно слева на стене мелькнула гигантская свастика, нарисованная с размахом, черной краской широкими мазками, так что рассмотреть можно даже со спутников-шпионов старого поколения.

Свастика, мелькнуло в голове. Могущество еврейства проверяется еще и тем, насколько долго смогут удерживать запрет на свастику, на упоминания нацизма без ругани в его адрес и немедленного и демонстративного осуждения. На самом деле всем умным людям понятно, что нацизм – это прежде всего духовное, а лишь в самую последнюю очередь – политическое или военное. Нацизм с милитаризмом связывают либо полные идиоты, либо хитрые политики, которые умело навязывают дуракам нужные взгляды.

Нацизм сейчас отторгается точно с таким же ужасом и отвращением, как несколько веков тому рожденное там же в Германии протестантство. Да, протестантство могло появиться только в Германии, это признано всеми, точно так же и нацизм мог появиться только в Германии. От протестантства шарахались, боялись его упоминать, протестантов истребляли, чего стоит одна Варфоломеевская ночь.

Но в тот раз рожденное Германией выжило, победило, так что благодаря той победе Германия ныне самая богатая и могучая страна планеты – страна победивших протестантов.

Но нацизм побежден, а победители сумели по всему миру провести такую кампанию дезинформации, что весь нацизм сведен к свастике, расовым проблемам и милитаризму.

Интересно, скоро ли спохватятся философы? Первыми, как обычно, начали те, кому нечего терять, – люмпены, скинхеды, рассерженные подростки, неквалифицированные рабочие...

Однако вот-вот подключатся те, кто стоит на ступеньке выше. Вот тогда и начнется самое жаркое.

Задумавшись, едва не проехал на красный свет, что с ним давно не случилось. Здесь, в благопристойной и спокойной стране, он привык держаться так же ровно и благопристойно. Если другие из кожи вон лезут, старясь «подчеркнуть свою индивидуальность»... ну какая индивидуальность у этих существ?.. то он всегда мимикрировал под среднего человека.

И вот вдруг, после разговора с Дугласом и Джоном, задавленная обыденностью душа встрепенулась и затрепетала крылышками, как озябший мотылек под утренними лучами солнца.

Сзади нетерпеливо бимкнуло. Он тронул машину, уже всерьез встревоженный: что-то совсем стал заторможенным. Или задумчивым, что в его деле одинаково смертельно. Для самого себя.

В его настоящем деле.

Неделю спустя после памятной встречи с военным министром Файтер в том же конференц-зале снова ожидал Джорджа Гартвига. Правда, на этот раз с ним придут Малькольм Герц, начальник Управления национальной безопасности, и Грехем Олмиц, глава ЦРУ. И решение затронутой проблемы начнет обретать, так сказать, более ясные контуры.

Экраны показали, что в лифте спускается Жан-Поль Бульдинг, глава ФБР. Он уже два дня старается поговорить с президентом тет-а-тет, и Файтер, чувствуя, что секреты старого фэбээровца могут иметь отношение к израильской проблеме, велел прийти именно сюда. За полчаса до совещания. А там на ходу решит, оставить ли Бульдинга присутствовать или пусть убирается через другой выход, дабы не встретиться с остальными.

Господи, сказал он себе, мы как тайные заговорщики! В собственной стране. Дожили. Уже вся планета прогибается под нашей мощью, а мы таимся...

Лифт предупреждающе звякнул, это чтобы президент перестал чесаться, подтянул живот и принял надлежащий вид, дверцы неторопливо раздвинулись. Бульдинг, низкорослый и толстый, как боксер-тяжеловес на пенсии, вышел вразвалку, на лице бульдожья улыбка, словно выбирает, где укусить.

Файтер поднялся из-за стола навстречу с вытянутой рукой, не сгибая ее в локте, что не позволит обнять его или

поцеловать, что за педерасты придумали этот ритуал, улыбнулся, другой рукой похлопал Бульдинга по плечу:

– А ты все худеешь, дружище!.. Ну выкладывай, что у тебя такое таинственное.

Бульдинг вздохнул, лицо невеселое, как у большого цепного пса, который только щенком успел малость побегать на свободе.

– Да так... Всякие неприятности. Вот прошу взглянуть...

Он положил на стол аккуратно распечатанные листки, бумага белая, а кегль крупный, на случай, если президент не воспользуется очками.

Файтер с первого взгляда узнал выдержки из речи лидера Христианско-демократической партии, что уже захватила большинство в германском бундестаге. Красным Бульдинг отчеркнул слова: «Евреи составляли активное большинство в руководстве и в расстрельных батальонах ЧК. Поэтому евреев не без основания можно назвать преступной расой».

На втором листке, который Бульдинг молча положил рядом с первым, им же отмечены слова из речи командующего элитными подразделениями германского спецназа KSK бригадного генерала Рейнхарда Гюнзеля, который прямо указал, что евреев для спокойствия и процветания Германии нужно из страны удалить. Если понадобится, то и силой.

Файтер укоризненно покачал головой:

– Жан, уж не метите ли вы на место Олмица?

– Упаси Боже, – ответил Бульдинг твердо. – Я с Америкой

едва управляюсь!..

Файтер хмыкнул:

– Да? Но скоро весь мир станет Америкой, а вот круг стран, где можно развернуться Олмицу, все сужается.

– Иногда и пятнышко может доставить больше проблем, – ответил Бульдинг многозначительно, – чем огромный континент.

Файтер смотрел на него с интересом.

– Верно, верно. А эти речи в самом деле любопытные. Не перестаю вам удивляться. Как вам удалось это организовать?

Бульдинг замахал руками, словно отмахивался от ударов мухача:

– Господин президент! Как вы можете? Я никогда не выхожу за пределы... Это Олмиц постоянно вставляет мне палки в колеса, вмешивается, что-то организовывает на территории, за которую отвечаю я... Но в этих выступлениях нет заслуги и Олмица. Это европейцы все сами. Кстати, если вам кажется, что все эти выступления по всему свету насчет засылы евреев – заслуга Олмица, увы, нет. Или к счастью. Одни мы наверняка бы не добились таких успехов.

Файтер продолжал просматривать бумаги, приговаривал: «Хорошо... хорошо... замечательно... а это вообще очень кстати...», наконец поднял взгляд на Бульдинга.

– Очень вовремя. А то я уж иногда начал сомневаться, сможем ли без больших потерь осуществить нечто задуманное. Что у вас в этой папке?

– Данные о криминале.

Файтер вскинул брови:

– О криминале? И вы пришли с этим ко мне?

– Непростой криминал, – ответил Бульддинг загадочно.

– Ну-ну, выкладывайте.

Бульддинг положил на стол флешку.

– У вас закрытая сеть?

– Абсолютно.

– Тогда посмотрите. Хотя эти данные абсолютно не секретные, но не хотелось бы раньше времени обнародовать некоторую направленность...

Файтер воткнул штырек в USB, на большом экране пробежала сеточка из цифр и графиков.

– Полагаю, – проговорил Бульддинг чуточку охрипшим голосом, лицо его побагровело, а лоб заблестел испариной, – пора забросить в СМИ и ряд организаций кое-какие материалы насчет еврейской организованной преступности...

Файтер слушал внимательно. Не новость, конечно, для президента, какие преступные кланы что именно контролируют в стране, однако собранные материалы Бульддинга и его комментариев выглядят достаточно шокирующими. В настоящее время, как доказывает Бульддинг, самая опасная и могущественная организация в США, а следовательно, и в мире – это «Русская мафия», в которой ни одного русского, а «русские» только потому, что приехали из бывшего СССР, а ныне – России. Вот взгляните, господин президент, это кни-

ги, написанные самими же евреями о масштабах преступности в СССР. На фактах и цифрах доказывается, что вся организованная преступность в России принадлежит евреям. Ю. Бרוхин в книге «Мошенничество на улице Горького» откровенно сообщает, что только евреи достаточно умны, чтобы управлять организованной преступностью на высоком уровне. «Славяне, – говорит он, – способны лишь на мелкие преступления». Когда рухнул СССР, российская еврейская группировка быстро распространилась по всему миру, часть обосновалась в США и сразу же стала самой могущественной организацией, годовой оборот которой составляет двести миллиардов долларов.

– У меня несколько другие цифры, – заметил Файтер, – но это ничего, продолжайте.

– Главное не в этом, – сказал Бульддинг. – Режиссеры еврейских фильмов изображают гангстеров как светловолосых голубоглазых русских, во внешности которых нет и намек на еврейское происхождение. И это двойная ложь. То, что дискредитирует русских, – ладно, пусть, этих свиней не жалко, но таким образом уводят из-под удара «своих», я имею в виду соотечественников. Лидеры СМИ не терпят правдивого публичного разоблачения вероломства евреев, представляя лживые образы других наций. Я составил список газет, куда эти материалы стоит вбросить в первую очередь...

– Это будет бомба, – заметил Файтер.

– Только потому, что кто-то осмелится об этом заговорить

вслух, – уточнил Бульдинг.

– Да, конечно, – согласился Файтер. Нахмурился. – Сразу же вспыхнут эксцессы по всей стране, начнутся погромы. Все это нужно гасить быстро и достаточно жестко. Нам нужно благоприятное для некой операции общественное мнение, а не погромы.

Бульдинг просветлел лицом, багровость начала испаряться, но мелкие капельки пота все еще усеивали лоб и щеки. Он суетливо выудил большой клетчатый платок, промокнул лицо.

Файтер перехватил его неодобрительный взгляд, брошенный на стену.

– Кондишен работает, – заверил он. – Это вы все худеете и худеете...

– Все от диеты, – буркнул Бульдинг. – Господин президент, можете быть уверены, погромы не допустим.

– Если понадобится, – сказал Файтер, – подключайте Национальную гвардию.

Бульдинг часто кивал, ни одного слова не произнесено, для чего все это делается, но старые коршуны понимают друг друга без слов. Бульдинг сиял, хотя встревоженное выражение держится без всякой наигранности, он сам время от времени пугался своей дерзости, потому и на Файтера смотрел теперь, как на героя-смертника, решившегося на величайший подвиг в истории человечества.

Файтер кивнул, не отрывая взгляда от текста:

– Продолжайте, Жан-Поль. У вас есть чем продолжить?
Бульдинг ответил широчайшей улыбкой:

– Не сомневайтесь, господин президент. Нашу кампанию нужно начинать с весомыми аргументами. К примеру, в «Вилладж Войс» от 26 мая 1998 года опубликована статья, которая называется «Самые опасные гангстеры мира», написанная Робертом Фридманом. Он пишет: «Согласно сведениям ФБР и израильской разведки, Семен Могилевич держит в своих руках переправку оружия, отмывание грязных денег, распространение наркотиков красной мафией...» Как вам, господин президент, само наименование – «красная мафия»? Сразу думаешь на коммунистов, русских или даже китайцев... «Но лидер красной мафии урожденный еврей, хотя и пишется везде украинцем. Он – темная личность, по кличке Мозговитый Дон, который никогда не появлялся в СМИ». Роберт Фридман, который сам еврей, пишет, что организация переправила из Израиля мафиози и они так жестоки, что некоторые полицейские отказываются разбирать эти случаи из-за боязни за свою семью. Фридман также пишет: «Еврейские организации пытались воздействовать на Отдел Правосудий, чтобы не разглашалась информация о так называемой «русской банде», боясь, что освещение в прессе вызовет массовую иммиграцию русских евреев в Израиль».

Файтер отмахнулся:

– Израильское правительство заинтересовано в увеличении еврейского населения. К тому же интересы Израиля пре-

выше интересов американцев, пытающихся защитить себя от могущественного преступного еврейского синдиката. К вашим материалам могу добавить, что два процента еврейского населения держат в своих руках девяносто шесть процентов организованной преступности в Америке. Это от синдиката Лански до русской мафии Семена Могилевича.

Он умолк, словно спохватился, что сказал лишнее, директор ФБР тоже молчал, чем-то уstraшенный, и в то же время чувствуя величие момента. Возможно, самого переломного в истории. Удешевление и миниатюризация электронного оборудования позволили практически покончить с мелкой преступностью, а также собрать все необходимые данные на лидеров организованной преступности. Но здесь все зашло так высоко, запахло международными скандалами настолько высокого ранга, что уже президент самой могущественной страны оказался перед дилеммой: признать поражение и позволить еврейской организованной преступности уже в открытую управлять страной и миром или же нанести наконец-то сокрушительный удар сразу по всей планете.

Но Файтер все молчал. То, что вертится на кончике языка, можно назвать обвинением целого народа в склонности к преступной деятельности, а этого очень не хотелось. Не хотелось, но... приходилось. Доктрина евреев, что нет преступления в том, чтобы обмануть нееврея, ограбить его или отнять все имущество, отвратительна и вдвойне опасна тем, что в ряды гангстеров попадают и те еврейские души, кото-

рые в других условиях сторонились бы любой преступности, как самого худшего из грехов. Однако по доктрине евреев выходит, что можно быть хорошим и «честным» человеком, но в то же время руководить преступным синдикатом, лично убивать, грабить, мошенничать, если это в отношении неевреев!

Эта доктрина отношения евреев к неевреям как обязательным противникам, врагам, которых не просто можно обманывать, но и нужно, послужила тому, что первое великое ограбление евреи совершили в канун бегства из Египта, когда в ночь перед исходом выкрали все золото и все драгоценности у египтян, из-за чего египтяне во главе с фараоном бросились в погоню. Когда беглецов настигли, те начали в страхе бросать золотые вещи в надежде задержать погоню, так и случилось, когда египтяне бросились подбирать сокровища, а вернувшиеся волны моря поглотили их.

Многие исторические личности боялись еврейских преступных организаций, Файтер сам мог указать Бульдингу на тысячи свидетельств, вообще их бесчисленное множество, не далее как вчера Малькольм Герц, директор Управления национальной безопасности, положил на этот стол целую кипу распечаток по отмыванию миллиардных незаконных сделок, а сверху положил копию письма Марка Цицерона с подчеркнутыми словами: «Таможенника Флакуса евреи стали преследовать за то, что он пытался остановить незаконный поток золота из Рима в Иерусалим... Спокойно! Я

хочу, чтобы только судьи слушали меня. Евреи меня запугали, как и многих других честных граждан».

Бульдинг следил, как читает Файтер, затем, зная, что президент чтит Сенеку, аккуратно положил на край стола выписку из Сенеки, где тот говорит о евреях как о самой преступной нации на свете. И в конце добавил совсем уж крохотную цитату из Тацита: «Между собой они честны и способны на сострадание, но к остальной части человечества они относятся с ненавистью врагов».

– Хорошо, – проговорил наконец Файтер. – Начинайте кампанию в масс-медиа. Но вы сами понимаете...

– Да, – ответил Бульдинг. – Это наша самая тяжелая операция.

– Я рад, что вы не считаете ее простой.

– Простой? – воскликнул Бульдинг. – У меня такое ощущение, что я выхожу со старым дробовиком против звездолета с инопланетянами!

Глава 5

Бульддинг начал собирать бумаги, Файтер откинулся в глубоком кресле на спинку и наблюдал за ним из-под приспущенных век. Директор ФБР отличается цепкостью и умелой организаторской работой, серьезных проколов у него нет за все пятнадцать лет службы, что вообще-то редкость, но впервые Файтер увидел, как у старого охотничьего пса горят глаза и раздуваются ноздри, как при виде особо ценной добычи, когда будет много крови, много мяса...

Он ощутил тоску и отвращение к своей работе. Ну почему именно ему выпало править в этот переломный для цивилизации момент?

Бульддинг взял папку под руку и приготовился откланяться, но Файтер остановил его слабым движением руки.

– Погодите.

– Слушаю вас, господин президент!

На его квадратной роже проступила угрюмая настороженность, а маленькие глазки взглянули из-под низкого лба подозрительно и зло, как у пса, у которого готовятся отнять сладкую кость.

– Сядьте, – велел Файтер.

Бульддинг послушно опустил в предложенное кресло. Взгляд острый, как сверло с алмазным напылением, впивался в лицо Файтера, причиняя настоящую головную боль.

Таблетку аспирина бы, промелькнула слабая мысль. Но одну уже выпил, а две – вредно, разжижает кровь...

– Сейчас придут наши силовики... и не только они. А пока их нет, позвольте я вам задам один неделикатный вопрос. Увы, президенту приходится иногда быть очень нескромным. Даже чаще, чем иногда...

Бульдинг ответил настороженно:

– Слушаю вас, господин президент.

Файтер взглянул на экран компьютера на своем столе, Бульдинг видел, как взгляд пробежал по строчкам, после чего президент произнес ровным голосом:

– В вашем досье сказано, что вы из очень ортодоксальной семьи. Ваш отец – раввин местной синагоги... Как получилось, что вы... сейчас разработали такую блестящую операцию против... своих соотечественников?

Чувствовалось, что Бульдингу не раз задавали подобные вопросы, он ответил ровным и спокойным голосом:

– Господин президент, нет более ревностных борцов с подобной преступностью наших соотечественников, как сами евреи. Однажды мы были настолько близки к полной и окончательной победе, что, если бы удалось закрепить, мир был бы иным. Совершенно иным...

Файтер осторожно обронил:

– Вы про эллингствующих?

– Совершенно верно, господин президент, – ответил Бульдинг и решил немножко польстить. – Я счастлив, что вы зна-

комы с вопросом настолько глубоко.

Файтер устало кивнул:

– Приходится. Хотя настоящая работа президента – это красиво играть в гольф, устало и мудро улыбаться в телеэкраны и гладить по головке детей. Опять же перед телекамерами, а так вообще пошли они к черту.

– Нам тоже приходится, – сказал Бульдинг, – делать многое из того, что приходится. Потому я и так настойчив...

От лифта звякнуло, но двери не открывались, Бульдинг в недоумении оглянулся на президента, но Файтер уже поднялся, вышел из-за стола. Створки лифта раздвинулись, вышли улыбающиеся Джордж Гартвиг, Уоррен Ваучер, министр экономического развития, Малькольм Герц, начальник Управления национальной безопасности, Грехем Олмиц, глава ЦРУ, и даже Уильям Бергманс, госсекретарь, на лице которого Файтер прочел сдержанное неодобрение.

Файтер пожал всем руки, жестом пригласил к столу, а Бергманса придержал за рукав.

– Дорогой Уильям, я берег твою репутацию. Ты госсекретарь, лицо страны. Тебе лучше было не знать о некоторых... деталях.

Бергманс нервно дернул щекой.

– Думаете, – огрызнулся он, – я не догадывался?

Файтер развел руками:

– Догадываться – одно, а быть прижатым к стене фактами – другое. У тебя, как у госсекретаря такой огромной стра-

ны, есть одно прескверное качество... ты совсем не умеешь врать.

Он проводил его к столу, усадил, придвинув ему стул, все смотрят с ожиданием, лица достаточно решительные, хотя и взволнованные, а Ваучер так и вовсе потеет почище Бульдинга.

Бульдинг, кстати, сразу сделал вид, что они тут с президентом уже все решили, а их, бедных ламеров, просто введут в курс дела. Олмиц даже взбледнул от ревности, засопел, нахмурился.

– Вы знаете проблему, – сказал Файтер. – Она была всегда, но, пока мы занимались Россией, Китаем, Азией и арабскими странами, она оставалась на заднем плане. Сейчас, увы, приходится заниматься... хотя всем нам хотелось бы, чтобы все разрешилось само собой. Господин Гартвиг, вы успели подготовить какие-то соображения?

– Да, – ответил Гартвиг коротко.

Он начал выкладывать на стол бумаги, раздал всем пронумерованные экземпляры с пометкой «Секретность ААА». Герц и Олмиц придвинулись, все трое комментировали по ходу дела. Файтер, несмотря на инстинктивное отвращение ко всей этой затее, постепенно начал проникаться величием момента: всего один шаг отделяет его страну от абсолютно-го мирового господства. Войска США стоят по всем ключевым местам планеты, все местные армии расформированы и распущены, стратегическое оружие уничтожено, а все пра-

вительства, по сути, – управляемые из Вашингтона губернаторы с очень ограниченной собственной властью.

Остался только Израиль. Крохотный по занимаемой территории и невероятно мощный по военному потенциалу, по финансам, по связям, по дипломатии. В прошлом – единственный верный союзник на Ближнем Востоке, как его называли в те времена, хотя и тогда всем было понятно, что у Израиля, с его доктриной расового превосходства евреев над всеми остальными народами, не может быть верности в отношении людей, которых ставят на один уровень с говорящими свиньями и которых всегда честно обманывать и предавать.

Он ощутил, что вскипает, кровь пошла в голову мощными толчками, горячая боль отступила, в мозгу прояснилось. Он глубоко выдохнул, ощутил, что в самом деле может сосредоточиться на деталях операции. Гартвиг предложил задействовать всю мощь армии, включая и военно-космические силы орбитального базирования: когда имеешь дело с евреями, лучше перестраховаться, Герц представил план одновременного взятия под стражу и депортации в особые охраняемые лагеря всех ортодоксальных евреев, благо с этим трудностей не будет: по черным шляпам и пейсам их видно издали.

– Кроме того, – добавил он, – вот отдельный список владельцев газет, телеканалов, журналов, наиболее влиятельных обозревателей, которые являются яростными сиониста-

ми. Они поддерживают Израиль в любом случае, а на собственное правительство... я имею в виду правительство той страны, где живут...

Олмиц хмыкнул:

– Очень своевременное уточнение. Правительство той страны, в которой живут, но которое не считают своим... и не считают нужным ему повиноваться, когда не считают нужным.

– И на которое, – добавил Герц, – всегда набрасываются с яростной бранью.

Бульдинг зашевелился, чувствуя, что влезают в сферу его деятельности, но лишь вставил:

– Чувство вины, господин президент, как я вам уже говорил. Они пытаются навязать нам чувство вины перед еврейским народом.

Гартвиг хмурился, недовольный, что прервали, наконец уловил паузу и сказал веско:

– Этот план, господин президент, в строжайшей тайне разрабатывается у нас уже последние пару лет. В целях полнейшей безопасности даже среди круга допущенных лиц пущен слух, что это лишь военно-учебная игра, призванная проверить мощь последнего поколения компьютеров, что нам поставили яйцеголовые.

– И что выдают компьютеры? – уточнил Файтер.

Военный министр впервые широко улыбнулся:

– Быстрая и бескровная победа. Почти бескровная. Все-

таки, господин президент, наше превосходство во всем просто подавляюще. Как в технике, так и в людях. В Израиле всего пять миллионов человек населения, включая женщин и детей, из них половина – арабы, что ненавидят израильтян, а мы можем в первые же минуты ввести на территорию Израиля хоть миллионную армию!

Файтер поморщился:

– Надеюсь, израильтяне это тоже поймут.

– Конечно, господин президент, – поспешно сказал Гартвиг. Он оглянулся на членов правительства, бросил беглый взгляд на госсекретаря, что ловит каждое слово, заговорил громко: – Это так, демонстрация наших возможностей. А будет лишь захват определенных ключевых точек, арест правительства и депутатов кнессета... да и то не всех, блокирование казарм израильской армии. Мы учитываем, что подавляющее большинство израильтян хотят жить в светском государстве, а не в том средневековом, которое навязывают хасиды. Потому на захват власти побурчат, но тут же успокоятся, когда мы передадим эту власть им же, евреям. Но – светской власти. На определенных условиях, конечно, в которых не будет ничего дискриминационного! Если Англия, Франция, Германия, Россия, вся Азия и весь Восток держат открытыми для нас все арсеналы и все разработки в институтах, могущие послужить оружием, то почему Израиль должен быть исключением? Все разумные евреи в США это принимают. Признает нашу правоту и большинство населения в

самом Израиле. Я не обещаю увеселительную прогулку, но все пройдет молниеносно, без лишних жертв. Главное, что закончится в тот же день, в который начнется.

Герц кашлянул, сказал:

– Все будет закончено настолько быстро, что нигде не успеют поднять голос в защиту Израйля. А если кто-то где-то и восхочет это сделать, то опоздает. В Израиле будет приведено к присяге временное правительство. И сразу же будут объявлены точные сроки президентских выборов. Настоящих демократических. За строгим соблюдением норм пригласим наблюдать представителей всех стран, которые пожелают контролировать чистоту и прозрачность выборов.

Файтер слушал внимательно, взгляд его пробежал по лицам, снова опускался на бумаги с четко расчерченными графиками, таблицами, колонками цифр.

– Я вижу, – сказал он суховато, – вы проработали все достаточно детально.

Гартвиг развел руками:

– Господин президент, необходимость ликвидации Израйля назрела еще в те годы, когда мы сломили режимы последних арабских стран. Израиль должен был тут же ликвидировать свой ядерный потенциал, распустить армию и заниматься тем, что умеет лучше всего, – торговлей, банковскими операциями, медициной, исследованиями в области хай-тека. Но он сохранил армию и оружие, а секретность его научно-исследовательских институтов наводит на недобрые

подозрения.

Файтер вздохнул, откинулся на спинку кресла и на минуту опустил веки. Некоторое время все почтительно молчали, каждый ощущал значимость исторической минуты, наконец Файтер открыл глаза и сказал чужим голосом:

– Операции присвоим, как я уже сказал военному министру, кодовое название «Эллинизация». Все должно происходить так, словно мы на самом деле готовимся напасть на Израиль!.. Кстати, надеюсь, о высшей степени секретности вам говорить не нужно? Приступайте к выполнению. Надеюсь, Господь не допустит, чтобы мы спохватились слишком поздно!

Стивен с некоторым стеснением остановил машину перед роскошным особняком Дугласа. Директор департамента ЦРУ может позволить себе дорогие апартаменты и машины в полмиллиона долларов: он из клана Макмилланов, владеющего десятками газет, тремя телеканалами, сетью бензозаправок и одной авиалинией, потому его оклад идет только на карманные расходы.

У Дугласа даже слуги выглядят значительнее, чем сенаторы, и Стивен, входя в его дом, чувствовал себя так, словно входит в крепость противника, где на каждом шагу ловушки. Возможно, потому в доме Дугласа все и всегда в восторге от него, Стивена, что он никогда не расслабляется, не говорит то, что думает, а только то, что надо, что от него ждут или

что надеются слышать.

Дуглас вышел навстречу, в длинных полотняных шортах, Т-рубашке, что подчеркивает его тренированную фигуру и открывает взорам внушительных размеров бицепсы, загорелый и белоzubый, крепко пожал руку.

– Пойдем в кабинет, туда принесут выпить... Должен при-
быть Джон, но по дороге авария, на шоссе пробка, чуть за-
держится...

Стивен насторожился:

– Джон? Один?

– Без жены, – подтвердил Дуглас со смешком. – Удивлен?

– Еще бы, – ответил Стивен. – Она и на службу к нам пы-
талась устроиться, чтобы не спускать с него глаз.

Дуглас ответил серьезно:

– Ты всегда все замечаешь точно, Стивен. Сейчас мы то-
же на службе, потому наши жены... заняты своими делами.
Кабинет этот не прослушивается, кстати.

Он взялся за дверную ручку, на миг помедлил, что мог-
ло быть истолковано по-разному, но Стивен знал, что при-
митивные сенсорные пластины недавно убрали, снабдив ими
дверные ручки. Теперь в помещение с такими ручками мо-
гут зайти только те, кому открыт доступ.

Незримый страж счел Дугласа своим, щелкнули, убира-
ясь в пазы, длинные штыри замков, Дуглас толкнул дверь,
взглядом предлагая Стивену войти, сам вдвинулся следом,
Стивен слышал, как все штыри снова наглухо заблокирова-

ли дверь.

В кабинете по-старому, Дуглас хоть и отпрыск богатой семьи, но сохранил студенчески-солдатские привычки некоего пренебрежения комфортом и уютom: комната обставлена по-деловому, а обязательный добротный диван для траханья секретарш выглядит просто уступкой этому правилу. Но понятно, что использует его Дуглас как вот сейчас: сиденья не видно под кипой папок, бумаг, буклетов и даже нераскрытых конвертов с солидными печатями.

– Что будешь пить? – спросил Дуглас.

Стивен ответил вопросом на вопрос:

– А ты как думаешь?.. Конечно, виски. Неразбавленное.

– Понятно, – ответил Дуглас. Он вытащил из холодильника большую бутылку свежееотжатого апельсинового сока, налил в высокий стакан. – Держи свое виски. А я, пожалуй, выпью рому...

Стивен наблюдал, как он льет в свой стакан густую жидкость кирпичного цвета.

– Куда тебе столько морковного? От него кожа желтеет.

– Вот и хорошо, – согласился Дуглас. – В стране столько мексиканцев да китайцев, что уже безопаснее выглядеть на них похожим.

Стивен пожал плечами:

– А что делать? У тебя сколько детей?.. Вот и у меня один. Вернее, одна. Скоро выйдет замуж, будет рожать мексиканцев или пуэрториканцев... А все эти, что заполонили Амери-

ку, как и всю Европу, размножаются быстрее птичьего гриппа... Я вот вчера впервые раскрыл Ветхий Завет...

Дуглас широко раскрыл глаза, чуть не поперхнулся морковным соком.

– Зачем это тебе?

– Если мне в Израиль, – ответил Стивен, – то надо бы знать...

Дуглас отмахнулся:

– Достаточно и справочника туриста. Ты всегда был слишком добросовестным!.. Ну и что вычитал?

Стивен зябко передернул плечами:

– Куда там гуннам или татарам до иудеев по жестокости! Ты знаешь, что они сделали с народом завоеванной Палестины?

Короткая усмешка скользнула по губам Дугласа.

– Случайно знаю. Читал в детстве. Особенно поразило, что, зверски уничтожая всех, в том числе женщин и детей, они рубили сады, виноградники, убивали скот, птицу и даже сожгли все запасы зерна!

Стивен ощутил, как в нем в глубине души нечто ощетиливается, как злой дикобраз.

– Они, сволочи, этим еще и хвастаются!

Дуглас бросил на него короткий оценивающий взгляд.

– На самом деле, – произнес он медленно, – это не считалось тогда такими уж особенными жестокостями. И позже, то есть ближе к нашему более милосердному времени,

упомянутые тобой гунны и татары стирали с лица земли целые деревни, сжигали дома и жителей убивали поголовно, не разбирая, кто из них стар или млад. Христианствующие крестоносцы стирали с лица земли целые города мусульман. Убивали и насиловали без разбора, заодно подвергли ужасающему разгрому и христианский Константинополь... однако, Стивен, люди того времени смотрели на мир более целенно, чем мы сейчас! Это мы в нелепой ловушке нашего мировоззрения. Дескать, каждый человек – это целый мир, потому надо к нему так и относиться. Но для жителей того времени все люди были только частицами своих миров: степного, оседлого, христианского, исламского... Даже Константинополь – чужой мир, ибо принадлежал враждебному православию! Потому крестоносцы честно и без угрызений совести постарались ослабить его как могли во славу и возвышение своего католического мира.

– Вообще-то нашего, – сказал Стивен.

– Верно, – кивнул Дуглас. – Мы так далеко ушли от тех взглядов, что даже не знаю, хорошо ли это...

– Мясо другое, – согласился Стивен. – А как насчет костей?

Дуглас улыбнулся, но – чиновник высшего эшелона! – даже наедине и даже с другом смолчал, лишь хитро улыбнулся, но улыбку к делу не пришьешь.

Стивен пил мелкими глотками, смаковал, согласился без особого пыла:

– Интересный взгляд. Да, интересный...

– Верный! – сказал Дуглас.

– Может быть, – сказал Стивен мирно. – Готов согласиться... Да, конечно. Но, зная тебя, я бы не сказал, что вот так просто выдал верную идею, и на этом стоп. У тебя каждая идея есть ступенька к следующей.

– Разве можно иначе?

– Можно, – ответил Стивен. – Есть еще озарения, когда как бы слышишь глас Творца, а он тебе сразу выдает конечный результат. Или позволяет пропустить ряд промежуточных звеньев.

Дуглас покровительственно усмехнулся.

– Озарения – это... неконтролируемо. Потому опасно. Когда со ступеньки на ступеньку – это всем зримо, можно проследить цепочку, в нужный момент остановить, если начинается что-то не то... Я сказал всего лишь, что наша цивилизация во многом начинает оглядываться на предшественников. Мы сейчас, я говорю о цивилизации, в тупике. А тупики полезны тем, что можно остановиться, осмотреться... А потом вернуться и пройти последний отрезок пути уже иначе. Сейчас мы чересчур далеко зашли на пути признания индивидуальных свобод...

Стивен сказал предостерегающе:

– Ну-ну, полегче! Я тебе своих свобод не отдам! А то еще и фашистом обзову.

Дуглас заговорил торопливо и очень серьезно, хотя Сти-

вен и улыбался и всем своим видом показывал, что шутит, шутит:

– Погоди, никто твои свободы отнимать не собирается. Может быть, даже расширим и закрепим... Но это не значит, что мы должны и дальше воспринимать таким же образом свободы граждан чужих стран, особенно – враждебных. Мы должны рассматривать те государственные образования и страны как нечто цельное. Как наши отважные крестоносцы рассматривали исламский мир. Они не убивали и не насиловали людей других стран, другого цвета кожи и вероисповедания – они просто наносили ущерб враждебным образованиям, ослабляли их мощь, взамен утверждали свою. Так понятнее? Мир был более цельным, дорогой друг! Люди тогда были частицей того или иного общества, а не миры сами по себе, как сейчас! И если крестоносцы истребляли даже мирных жителей в арабских странах, то истребляли не мирных жителей, как считаем сейчас, а просто ослабляли экономическую и военную мощь чужой страны!

Стивен сказал скептически:

– А что плохого в том, что люди сами по себе? Разве это не будущее? Без всяких мелких миров, а все в одном большом мире?

Дуглас покачал головой:

– Это прекрасная мечта сродни построению коммунизма. Человек такая тварь, что сама по себе жить не может. Едва ослабевают старые скрепляющие общества, человек тут же

начинает создавать свои, новые. Так на территории вполне благополучных вроде бы стран возникают то мелкие секты, что грозят превратиться в новые территориальные образования, то экстремистские группы, что стремительно завоевывают симпатии и вот-вот возьмут власть вполне легальным путем... Но это я, как все философы, ушел в сторону. Пока скажу одно: сейчас мы снова возвращаемся к тому, что рассматриваем страны как... целое.

Стивен уловил за многозначительностью намека, что за ним нечто кроется, спросил:

– Израиль?

– Да, – ответил Дуглас. – Сейчас смотри на Израиль как на целое. Монолитное, хотя, понятно, монолитом не является даже Израиль. Но, как показывает история, в кризисных условиях иудейский народ в самом деле ведет себя подобно монолиту. Потому ко всем евреям нужно относиться так, словно каждый из них – частичка Израиля.

В его словах звучал подтекст, но Стивен не успел копнуть, вспыхнул экран на столе, появилась фигура вылезающего из машины Джона.

– Классная система? – спросил Дуглас. – Вообще-то она всех жителей города опознает безошибочно, но сейчас жду Джона, вот и докладывает... Смотри, какой сытый, сукин сын! Как думаешь, брешет, что сбросил пять килограммов на новом тренажере?

И снова Стивен не успел с ответом, звякнуло, Джон при-

близился, открыл рот, но лишь слегка чертыхнулся: двери перед ним распахнулись.

Дуглас хохотнул злорадно в переговорное устройство:

– Твою харю знают все компьютеры! Теперь не скроешься к бабам.

Глава 6

Джон вошел быстрый, подтянутый, никакой громоздкости в крупной фигуре, быстро и с чувством пожал обоим руки. С неудовольствием покосился на экран, где так и застыло его лицо с удивленно выпученными глазами.

– Подделка, – буркнул он. – В суде буду все отрицать. А тебя, кстати, привлеку за искажение моего благородного облика.

– Что пьешь, – поинтересовался Дуглас традиционно, – ром, виски или коньяк?

Джон ответил лихо по-ковбойски:

– И джин тоже!

Дуглас быстро взбил и налил в высокий стакан молочный коктейль с размолотыми лесными ягодами. Джон с наслаждением сделал пару огромных глотков, отнял стакан от крупных красных губ, переводя дыхание.

– Чудесно...

– Да, – сказал Стивен, – не те теперь викинги...

Джон вскинул брови, не понял, а Дуглас засмеялся: на экраны вышел фильм о приключениях Эрика Рыжебородого, побывавшего в Америке задолго до Колумба, там все викинги как будто родные братья Джону, такие же рослые, голубоглазые, светлокожие, разве что Джон подстрижен коротко, а у его предков пшенично-светлые волосы роскошно па-

дали на плечи.

– Те, – ответил он, погасив улыбку. – Джону тоже не сидится в его теплом кресле.

Он щелкнул пультом. Люди на экране в бронежилетах высшей защиты прыгают через стены пятиметровой высоты, руками рвут толстую проволоку, молниеносно стреляют по невидимым целям, потом изображение уменьшилось, фигурки измельчились и пропали, лагерь стал виден целиком: крохотный четырехугольник посреди пустыни.

Джон сразу прикипел взглядом к экрану. Стивен удивился, с какой завистью этот директор Управления содействия армии смотрит на молодых здоровых ребят, не шибко обремененных интеллектом, зато умеющих быстро и метко стрелять из всех видов оружия, управлять всеми видами транспорта, прыгать с мостов и балконов, ухитряясь стрелять на лету и, самое важное, попадать в цель.

– Это второй эшелон, – напомнил Дуглас. – Все-таки все зависит от тех, кто уже там.

– Большая часть, – согласился Стивен. – Но без этих ребят первый удар может оказаться напрасным.

– Ты-то будешь с первыми, – заметил Джон ревниво.

– Не завидуй, – засмеялся Дуглас. – Стивен не больно рвется в герои.

Джон отмахнулся:

– Как не завидовать? Последняя война на Земле!.. О ней будут писать, рассказывать, без конца снимать героические

фильмы. О Стивене издадут штук пять книг в первый же год...

Стивен хмыкнул:

– Ну да, вот так сразу.

– А что? Смотри, чем дальше дата нашей высадки в Нормандии, тем она масштабнее и героичнее. И фильмов о ней все больше. Теперь уже не только наши сограждане, уже весь мир уверен, что это мы, в одиночку, выиграли Вторую мировую войну. Так что пять книг – это скромно, только в первый год, как я сказал. А через пять лет о тебе книг и воспоминаний будет уже десятка два. А вот меня разве что где в эпизоде упомянут...

Стивен покачал головой:

– Дуглас, что это у него за песня? К чему он?

Дуглас ответил лениво:

– Сам знаешь.

– Неужели...

– Верно, – подтвердил Дуглас со смешком. – На старости лет хочется побегать с автоматом в руках. Как рядовой! Несolidно, Джон, несolidно. С твоим весом...

– Нормальный вес, – ответил Джон обидчиво. – Девяносто восемь! При моем росте это норма.

– Не прикидывайся, я о твоём директорском весе.

– Вот-вот, – сказал Джон упрямо. – Для того чтобы подчиненные уважали меня еще больше, пусть узнают, что я, даже будучи директором, и даже в свои пятьдесят восемь лет, взял

автомат и участвовал в последней битве на Земле!

Дуглас поморщился:

– Ну уж и битве... Так, крохотная операция. Но тебе в ней нельзя.

– У тебя есть право отбирать в первые группы, – напомнил Джон.

– И это пронюхал?

– Да уж такая у нас высшая секретность, – ответил Джон язвительно. – Любая уборщица знает все тайны.

– За тебя мне голову сорвут, – возразил Дуглас. – Если бы ты не был из семейства Морганов, да через женитьбу не оказался породнен с самими Дюпонами, я бы, возможно, с какими-то оговорками, взял бы...

– Трус, – сказал Джон с подчеркнутым презрением.

– Трус, – согласился Дуглас. – Это не с бандой террористов сойтись в одиночку! Твоя родня кого угодно в говне утопит. Нет уж, нет уж, лучше от тебя подальше.

Джон сказал сокрушенно:

– Так что же мне, разводиться? Линда в самом деле хорошая жена, хоть и богатая. И батя у нее ничего, несмотря на его семьдесят миллиардов. Дуглас, ну будь же другом!..

– Я тебе друг, – отрезал Дуглас, – потому останешься здесь.

– А ты?

– Я буду действовать... по обстоятельствам. Извини, но подбирать команды поручено мне, а я всегда стараюсь избе-

гать возможности проколов. Вообще, если бы вся операция была поручена мне... не улыбайтесь, Израиль – крохотная страна! Там вполне можно обойтись силами одного нашего отдела. Так вот, если бы операция была поручена мне...

Он запнулся, некоторое время подбирал слова, но виновато улыбнулся и развел руками:

– Нет, не могу. Чувства и ум в противоречии. На самом деле, мы здесь свои, самые стоящие люди в Израиле как раз хасиды... ну, эти, наиболее ультраортодоксальные евреи, что ходят в черных шляпах, носят пейсы, соблюдают все дурацкие ритуалы. Они выглядят смешными, но именно они плоть и кровь Израиля, а все остальное... так, дурное мясо. Просто живущее, жрущее, срущее, размножающееся и озабоченное только поисками, как бы и где бы еще поразвлекаться, оттянуться, побалдеть.

Джон поморщился:

– Это ты в каких-то эмпиреях! А вот мне все жидовье, что встречается, – раскормленные свиньи и ничего больше. Какая там духовность? Все мысли только о том, как бы урвать кусок побольше. Эти ничем не брезгают. И никаких тормозов у них нет: нравственных и не было, а с властями договориться можно, когда знать, кому отстегнуть. А они знают.

Стивен поглядывал весело на одного, другого, предположил с той же шутливой веселостью:

– А нельзя ли жидовье вырезать на хрен, а тех хасидов – оставить?

Дуглас сказал с сожалением:

– Беда в том, что природа всегда держит пропорцию: на тысячу – талант, на миллион – гений. А если вырезать тупых да ленивых, то часть гениев и талантливых займет их место, природа пустоты не терпит. Потому, если логически точно, как если бы мы роботы, то у нас лишь два варианта: либо вырезать их всех, либо всех оставить, потому что, убивая дураков и подонков, тем самым, как уже сказал, умных и талантливых переводим на их места.

Стивен вскинул руки:

– Стоп-стоп, ловлю на слове. Мы не роботы, так что нельзя ли жидов под нож всех, а на их место поставить, к примеру, эскимосов?

Дуглас и Джон весело фыркали, но Дуглас, отсмеявшись, ответил серьезно:

– Можно. Только они должны поверить, что они – высшие существа, что мы грязь под их ногами, что они гении... и тогда они начнут изо всех сил учиться, развиваться, совершать открытия, изобретать... но мне как-то все равно, кто на меня смотрит сверху вниз и плюет на меня как на говорящее животное: евреи или эскимосы.

Джон подумал и сказал очень глубокомысленно:

– От эскимосов было бы обиднее!

– Наверное, – ответил Дуглас равнодушно, добавил твердым злым голосом: – Но для меня библия – наша Конституция, в которой сказано, что все люди рождаются равными. И

на эту библию, нашу американскую библию, я и молюсь!.. И порву на тряпки всякого, что скажет, что он лучше другого уже потому, что дворянин, еврей или блондин!.. Другое дело, если он – профессор. Тут мне без разницы: еврей он, эскимос или монгол, я смиренно признаю, что профессор меня выше. Но не еврей, это понятно?

На следующий день Стивен в яркой клетчатой рубашке и полотняных шортах поднимался по трапу самолета. Почти весь салон заполнился такими же пестро и свободно одетыми туристами. Слышались довольные возгласы, все радуются началу отпуска и предвкушают встречу с древней землей, оттуда «пошло все».

Угнездившись в кресле, он положил на колени пестрые рекламные буклеты, их раздают еще в турбюро, в соседнем ряду как раз изучают и комментируют, а когда взлетели, достал из сумки сверхплоский ноут, раздвинул, чтобы экран был на размер книжной страницы.

Соседом оказался коренастый старик с широкой окладистой бородой. Он благополучно дремал при взлете, а когда самолет пошел над океаном, очнулся, повертел головой.

– Завтрак уже приносили?

– Еще нет, – успокоил Стивен. – Думаю, сейчас принесут.

– Слава Богу, – воскликнул старик. – А то чуть сердце не выскочило! Думал, проспал... Господи, что это такое читаете? Простите, что я подсмотрел, но как можно о таком чи-

тать...

Стивен посмотрел с любопытством:

– Вы, похоже, еврей?.. Из традиционалистов? Но это, как я понял, записано очевидцами. Евреи выводили пленных из города и убивали всех самыми зверскими способами: отрубали руки и ноги, вспарывали животы, разбивали молотами головы, зачем-то живыми бросали в раскаленные печи... И так убивали не одного-двух, а полностью население всех захваченных городов: десятки и десятки тысяч! Убивали женщин, убивали детей, убивали младенцев в люльках... Как подумаю, в какую страну я купил турпутевку, дрожь по спине! Начал бы читать раньше, лучше бы поехал в какую-нибудь Индию.

Старик поерзал, на Стивена то поглядывал как бы с желанием вступить в яростный спор, то опускал плечи и горестно вздыхал, вроде бы со всем соглашаясь, мол, да, вот такое мы говно, наконец развел руками в беспомощном жесте:

– Что сказать... Книги не горят. Что в них написано, то написано. Однако все-таки с Книгой надо поосторожнее.

Стивен удивился:

– Почему?

– Это не просто книга, – объяснил старик. – Простите, я не представился: Израэль Лейбович. Когда вы читаете детектив, там один смысл и один вывод. Когда читаете женский роман, там вообще нет смысла, только увлекательное чтение. А здесь в каждой строке скрыто семь смыслов... столько же

еще упрятанных настолько тщательно, что только будущие поколения сумеют понять!

Стивен разочарованно протянул:

– Ну, я всякой многозначительной хрени объелся еще в молодости. Теперь у меня иммунитет на всякую заумь.

– Это не заумь, – ответил старик кротко. – Написанное зависит от точки зрения автора, а она, в свою очередь, зависит от... возраста.

– Возраста? При чем здесь возраст?

– При том, – объяснил старик, – что это в математике дважды два всегда четыре. В истории же любая личность оказывалась то ангелом, то злодеем, то снова ангелом. Но в целом я могу предложить такую замеченную мною тенденцию... Молодые историки постоянно «разоблачают» все благородные деяния, доказывают, что в основе тех или иных поступков лежат фрейдистские мотивы, жадность, корысть, трусость, что ничего святого нет, а все это якобы благородство при национально-освободительных войнах или еще каких-то канонизированных историей случаях – брехня, подделка, а на самом деле... и далее все тот же набор из фрейдизма. У них крестовые войны велись из-за жадности пограбить, везде было и есть только свинство, предательство, трусость... Улавливаете? И потому нам тоже можно трусить, предавать, подличать и все такое общечеловеческое... Историк же в зрелом возрасте, переболев периодом разоблачительства, предпочитает видеть в истории больше примеров благородства,

подвижничества, иначе не объяснить взлета нашей цивилизации с ее довольно высокой – я без шуточек! – культурой.

Стивен поинтересовался с недоверием:

– А как на самом деле?

Старик сдвинул плечами:

– Есть и то и другое. Но я абсолютно уверен, что если на заре в основе всех поступков действительно лежали жадность, корысть, трусость, то уже в юности было достаточно примеров благородства и величия духа. А сейчас, когда входим в пору возмужания... простите, но миром не только должны править более высокие мотивы... но и правят. В основном.

Стивен уцепился за это слово, как за соломинку.

– В основном! Но все же сколько вокруг дряни?

К их беседе начал прислушивался громадный мужчина с мясистым лицом, он занимал кресло по ту сторону прохода, сказал гулко:

– И эта дрянь преуспевает!

Стивен посмотрел на соседа. Тот лишь сдвинул плечами.

– Кто спорит? Но для меня это не оправдание, чтобы тоже быть дрянью.

Он просиял навстречу улыбающейся стюардессе, она катит в проходе между креслами изящный столик на колесах, доверху заставленный вкусностями, и Стивен понял, что дискуссия по Ветхому Завету окончена.

Гостиница простенькая, номер тоже дешевый, но хотя бы не на пятерых, он разложил вещи, принял душ, переоделся в рубашку еще попугаистее, чем была на нем, и, как подобает туристу, отправился смотреть город.

На улице, щурясь от знойного израильского солнца, поспешно надел темные очки. Дуглас рекомендовал ему посетить ресторан у моря, держит его Шай, полковник израильского десанта, он в старые времена пробрался в Израиль через Варшаву из советского Вильнюса, успел повоевать столько, что сейчас как никто мечтает о мире и потому все свое умение направляет на приготовление вкусных блюд.

У Шая, дескать, делают прекрасный чолнт, еврейское субботнее блюдо, оно отстает на огне часов пятнадцать, лучше всего подать его в дождливые выходные под алкоголь с утра страждущим. Девушка, закладывающая ингредиенты чолнта, то есть кости, жир, картофель, яйца, пшено, перец, лук, луковую шелуху для цвета, съедобный предмет под названием «кишке» и так далее, в большой котел в пятничный полдень, приехала в Израиль из солнечной, хоть и не такой знойной Украины. Ее фамилия Зотова, русская фамилия, все перемешалось в бывшем СССР, она известная спортсменка, вообще гениальна во всех своих проявлениях, как внешних, так и душевных, с нею стоит установить контакт...

Однако сейчас не дождливые выходные, да и вообще Стивен не любит ходить строем, а слушать Дугласа – это что-то близкое к этому занятию. Он расстегнул рубашку навстречу

свежему ветерку со стороны моря, вздохнул и шагнул из тени дома в расплавленную зноем улицу.

Воздух дрожит и колыхается, как тонкая кисея. Дороги раскалились под знойным солнцем так, что на камнях можно печь лепешки. Арабы, что встречались ему, не поднимают глаз, во всем облике такое смирение, что не может быть искренним, не может быть даже долгим. Было и такое, что, когда он внезапно оборачивался, успевал поймать сосредоточенный взгляд, полный ненависти.

Не все эти люди станут убивать, мелькнула мысль, но слишком много среди них действительно обиженных и оскорбленных. Израильтяне считают арабов людьми второго сорта, это недопустимо. Мы, американцы, считаем это и личным оскорблением, ибо всякий, кто попирает права других людей, попирает и нас. Давно пора было нашему правительству принять меры по искоренению этого расистского режима. Слишком долго терпели...

Или сперва ломали тех, мелькнула мысль, с кем справиться проще. Громадный СССР, двухмиллиардный Китай, фанатичный ислам, замкнувшийся в себе буддизм... Да, наверное, с ними было справиться проще. Потому США сперва обезопасили себя, чтобы не ударили в спину, когда схлестнутся с самым сильным врагом...

Он вспомнил лагеря палестинских беженцев, ужасающую нищету в домах и отчаяние в глазах женщин. Кулаки сами стиснулись так, что побелели костяшки пальцев. Там под-

ростки рано превращаются в мужчин. Их множество, и хоть не все станут шахидами, но обостренное чувство справедливости будет толкать их на акты святой мести. И нужно поскорее вмешаться, чтобы остановить эту безостановочную кровавую бойню.

Стоп-стоп, сказал себе. С таким настроением меня остановит первый же патруль. Я всего лишь турист, беспечный турист, что тратит свои законные две недели отпуска и жаждет получить на потраченные деньги максимум удовольствия...

Он выпрямился, постарался выпятить живот и пошел с видом человека, довольного собой, жизнью, здоровьем, словом, с видом стопроцентного американца, какими их представляют за пределами Америки.

С удовольствием засмотрелся на хорошеньких девушек в очень откровенных шортиках, больше похожих на стринги, во всяком случае, обе загорелые ягодицы задорно двигаются из стороны в сторону. Зрелые матроны бросали в их сторону недовольные взгляды, но это и понятно, им целлюлит не позволяет открыть даже лодыжки, зато мужчины провожают глазами открытые ягодицы с явным удовольствием.

Перейдя залитую зноем дорогу, он нырнул в прохладу кафе, работает кондишен, температура воздуха ниже градусов на пять, чистое спасение, но столики заполнены лишь наполовину.

Бармен посмотрел на него оценивающе, Стивен улыбнулся.

ся и кивнул.

– Все верно, – сказал он, – ничего, кроме холодного пива.

– «Хейнекен», «Куолла», «Старый Козел»?

– Ого, – сказал Стивен, – и сюда это добралось? А я думал, что хоть здесь попью местного пивка.

– В Израиле пиво не производят, – ответил бармен, и Стивен не мог понять, шутит или говорит правду. – У нас две трети клиентов – арабы. Увы, приходится считаться, они спиртное не употребляют.

– Несчастный народ, – посочувствовал Стивен.

Бармен усмехнулся:

– Целиком с вами согласен, сэр.

– Ничего, – сказал Стивен бодро, – мы их окультурим. Научим и пиво хлестать, и супружеской неверности, и рисовать зверюшек...

Глава 7

Бармен продолжал улыбаться, но улыбка стала чуть-чуть напряженнее, и Стивен сразу вспомнил, что и евреи, как мусульмане, тоже не рисуют животных. Как рассказывали на лекции между занятиями по рукопашному бою, по той же причине великие русские художники Левитан и Шишкин, к примеру, никогда не рисовали ничего живого, только природу, и когда однажды Шишкину тайком дорисовали на картине «Утро в сосновом бору» медведей, он пришел в отчаяние и покончил с собой.

– Спасибо, – сказал Стивен, он взял два пива и крохотную тарелочку с креветками, сел за свободный столик.

К барной стойке подошли две девушки, одна свеженькая датчанка, так почему-то определил Стивен, хотя с таким же успехом могла быть и шведкой, и полькой, а вторая – типичная местная жительница: загорелая до черноты, с тугим пучком иссиня-черных волос, которые ночью явно щедро распускает по всем подушкам в ожидании мужа.

Бармен подал обеим, как Стивен и ожидал, по вазочке с мороженым, обе с веселым щебетом проследовали в зал, большинство столиков уже оказались заняты, все мы предпочитаем садиться за пустой стол, Стивен на миг понадеялся, что сядут к нему, общество молоденьких щебечущих девочек всегда приятно любому мужчине, но та, которая цыга-

нистая, увидела, как из-за соседнего со Стивеном стола поднялась пара, тут же устремилась туда.

Пара оказалась неряшливой, посуду за собой не переставила на специальный столик, и обе девушки, поставив вазочки с мороженым на край стола, быстро убрали тарелки, с удовольствием сели и защебетали, как веселые беспечные птички. Цыганистая сидела напротив Стивена, на миг их глаза встретились, он посмотрел холодно, уязвленный, что предпочли сесть за стол с грязной посудой, только бы не к нему, а виновата она, ее подруга уже направлялась именно к его столику...

Тихонько звякнул мобильник, висящий у шведки на груди, как изящный брелок. Она взяла в ладошку, что-то спросила, торопливо вскочила, что-то сказала в мобильник, чмокнула подругу в щеку и заспешила к выходу.

Когда их глаза с этой цыганкой, нет, скорее – испанкой, встретились снова, он показал ей взглядом, что вот теперь жри обе порции сама, а так бы он мог помочь, он не гордый, мороженое тоже вещь, хоть и уступает пиву.

Бармен, открывая зеркальную дверцу шкафа, метнул яркий отблеск через весь зал и осветил девушку, как прожектором. Стивен ощутил, как по всему телу прокатился странный озноб от ее древне-дикой красоты, как будто она перенеслась в это кафе из времен Хаммурапи и Гильгамеша. Тонко вырезанное и тщательно очерченное лицо, словно отлитое из темного металла, узкие брови и невероятно

длинные загнутые ресницы над древнеегипетскими глазами: удлинёнными и сверкающими подсиненной белизной с сетчаткой цвета желудя. Она орудовала ложечкой с ленивой истомой.

Стивену почудилось, что она полностью ушла в свой мир, далекий и первобытный, абсолютно несоприкасаемый с этим шумным и бестолковым, полным ненужных и непонятных вещей. Руки, загорелые и по-восточному сухие, красиво положила на столешницу, гибкие пальцы ловко держат ложечку, а мороженое подхватывает почти синим языком, даже губы настолько темные, что кажутся темно-синими...

Он чувствовал, как бесследно уходят остатки того напряжения, что не оставляло его даже в тиши уютного кабинета. Станный мир, странный город, странные люди...

Из прохлады кафе невыносимо ярко горит белым огнем прямоугольник двери, а залитая знойным солнцем улица выглядит настоящим адом. Туристы стараются идти ближе к зданиям, под сенью огромных зонтов над палатками и под крытыми навесами.

Автомобили тесно прижались один к другому и выглядят накаленными на солнце массивными металлическими булыжниками.

В кафе все чаще заходят по одному и парами, дважды зашли группки по пятеро. Почти все столики заняты, к испано-цыганке села немолодая супружеская пара, явно из благополучных стран Европы. Очень уж ухоженные, сытые, до-

вольные, постоянно опрыскивающиеся всевозможными дезодорантами как от пота, так и от всяких кожных болезней, которые вроде бы можно подцепить на этом экзотическом Востоке.

В дверном проеме появилась девочка-подросток с большими грустными глазами, живот неестественно вздут, сердце Стивена кольнула жалость: нельзя разрешать такие ранние браки... и тут же в мозгу остро звякнул предостерегающий звоночек. Он насторожился, тело поднялось на ноги, как будто помимо его воли, взгляд устремился на девчушку, на ее живот...

– Ложись! – крикнул он и метнулся через зал в ее сторону.

Успел увидеть, как вскочила его цыгано-испанка. Девчушка резко повернула голову. Ее смуглое лицо перекосила ненависть, рука метнулась к животу, Стивен успел услышать:

– Аллах акбар!

Страшный грохот ударил его в грудь с силой налетевшего локомотива. Дыхание вылетело с хлипом, Стивена понесло, как сорванный ветром лист, как-то успел собраться в ком, ударило о пол и обломки мебели, перевернулся трижды и тут же вскочил, разом охватывая взглядом картину.

Стена, отделяющая кафе от улицы, исчезла: нещадный свет залил обломки мебели в кафе, поднимающихся с пола ошеломленных людей. В жуткой тишине слышался плач, стоны, мольбы. Стивен увидел брызги крови, а у его ног слабо шевелилась окровавленная ступня в детской сандалиии,

все, что осталось от смертницы-террористки.

На улице надсадно сигналият припаркованные машины, из одной пошел густой черный дым. Стивен не успел открыть рот, как раздался грохот, взметнулся огненный столб из взорвавшегося бензобака.

В кафе крики стали громче, он быстро оценил, кто ранен серьезно, перепрыгнул сломанный столик и крикнул:

– Сохраняйте спокойствие, второго взрыва не будет!.. Выносите тех, кто не может идти на улицу, туда сейчас придут санитарные машины!

Он сам удивился, как его властный голос подействовал моментально. Крики как ножом отрезало, все начали двигаться суетливо и бестолково, как муравьи, но уже через минуту работали, как будто притирались один к другому десятилетиями.

На улице раздалась сирена полицейских и пожарных машин. Стивен наклонился над ранеными, одна женщина оказалась настолько иссечена осколками, что он принялся спешно туго перетягивать жгутами нужные места, пока не истекла кровью.

Рядом оказывала помощь раненым цыгано-испанка. Вокруг нее суетятся растерянные туристы, один с длинной кровавой царапиной на щеке помогает, не обращая внимания на стекающую по лицу кровь. Она распоряжается быстро и умело, ее пациентов подхватывали по взмаху руки и уносили, наконец она оказалась рядом с Стивеном.

– Помочь?

– Уже все, – ответил он. – Будет жить, раны не опасные.

Его отодвинули в сторону, настоящие санитары вбежали в разрушенное кафе и положили женщину на носилки. Стивен проводил ее взглядом, испано-цыганка сказала:

– У вас рубашка в крови.

Он оглядел себя, осколком стекла или мебели прорвало ткань в двух местах и оцарапало бок. Кровь стекла до пояса, размазываясь так, что выглядит устрашающе, и уже застыла.

– Ерунда, – ответил он с горечью. – Вы видели ее? Совсем еще девочка...

– Я видела, как вы вскочили, – сказала она. – У вас было такое лицо...

– Какое?

– Не знаю, – ответила она. – Но я испугалась и тоже вскочила. А тут этот взрыв... Значит, вы ее напугали, потому взорвала себя на пороге? Вы спасли многих людей! Если бы сделала еще хотя бы пару шагов...

Ее плечи зябко передернулись. Он видел, как побледнело смуглое лицо, в глазах метнулся запоздалый страх.

– Все кончено, – сказал он дежурную фразу, сам же ощутил ее тупость и никчемность, инстинктивно обнял ее за плечи, она тут же прижалась к его груди, плечи ее пару раз вздрогнули и затихли, успокаиваясь. – Все позади... Вы живете в этом городе?

– Да, – ответила она. – В двух кварталах. Но вы... необык-

новенный человек! Как вы ее сразу раскусили! Вы, наверное, из МОССАДа?

Он улыбнулся, в ее голосе такая страстная надежда, что он окажется из этой сверхзасекреченной организации, что просто нечестно переубеждать, но он ответил абсолютно правдиво:

– Нет, я не из МОССАДа. Кстати, меня зовут Стивен.

– А я – Мария, – ответила она. – Мария Голдман. Ладно, если вы даже из МОССАДа, разве скажете?

– Логично, – согласился он. – Пойдемте отсюда. А то нас загребут для лечения от психических травм.

Она кивнула, выражение глаз изменилось.

– Да, так может сказать только американец.

– Почему? А вас разве не лечат?

– Только по серьезным причинам. Это у вас по любому поводу. И без повода тоже.

Участок улицы уже оцеплен полицией, их остановили, Стивен приготовился к долгим и неприятным объяснениям, однако полицейские лишь спросили, уверены ли, что могут о себе позаботиться сами. Стивен заверил, что могут, они с женой – круто сваренные, но все равно удивился, с какой легкостью их отпустили.

Все еще дикий первобытный мир, мелькнула мысль. Как было у первых поселенцев Америки, те тоже не знали специализированных лечебниц по психологической реабилитации.

Странно только, что в Америке евреи настроили этих лечебниц, а в Израиле их как будто и вовсе нет.

Мария легко поднырнула под желтую ленту оцепления, Стивен посматривал на ее окаменевшее лицо, в древне-диких глазах сверкает понятная жажда убийства. Здесь, вспомнил он, на этой древней земле родилось знаменитое: око за око, зуб за зуб, и сколько бы последующее христианство ни опровергало, ни насаждало свои более гуманные нормы, человечество предпочитает негласно придерживаться этой понятной своей справедливостью формулы: убийц – убить!

– Пойдем, – сказал он настойчиво, – теперь этим людям лучше нас помогут медики.

– А этим? – спросила она.

За огороженной лентой, которую охраняет полиция и набежавшие со всех сторон военные, толпится народ, там крики, плач, проклятия, а внутри ограждения над трупами склонились те, кто чудом выжил: мать над убитым ребенком, парень с залитым кровью лицом над девушкой, у которой вырвало плечо и половину грудной клетки. Санитары его пытались поднять и увести, но он прижал труп к груди и ничего не слышал, не видел, не чувствовал, кроме своего безутешного горя.

– Пойдем, – повторил он.

Марию пришлось буквально уводить силой, она то и дело останавливалась, на ее лице такая ярость, что он не раз ощу-

щал рядом с собой жрицу, которая бестрепетно вскрывает грудь очередного пленника на жертвенном алтаре и вырывает оттуда еще бьющееся сердце, под крики толпы вздымая его над головой в окровавленной ладони.

– Господи, – проговорил он, подпустив в голос малость испуга, самую малость, – что за страна, что позволяет у себя такое? Куда смотрит полиция?

Она сказала сквозь зубы со сдержанной яростью:

– Это единственная страна, в которой уже взрывались иракские СКАДы, «катюши» из Ливана, самоубийцы из Газы и снаряды из Сирии, но все равно трехкомнатная квартира здесь стоит дороже, чем в Париже!

Он округлил глаза:

– В самом деле?

– Уж поверь, – ответила она с глубокой грустью.

Он залюбовался такими быстрыми переходами от деловитости, с которой перевязывала раненых, к ярости, а затем к темной печали.

– Да верю, – ответил он торопливо. – Вижу, потому и верю. А так бы... не знаю. Может, не поверил. В нормальной стране из таких мест уже убежали бы.

– Евреи ненормальные, – ответила она.

– А ты?

– И я ненормальная, – ответила она с гордостью.

Он искоса поглядывал на ее древнеегипетский профиль, такие видел на стенах гробниц фараонов, прохожие испуган-

но поглядывали на его окровавленную рубашку. Время от времени кто-нибудь подбегал и спрашивал, не нужна ли помощь.

Стивен всякий раз вежливо благодарил, наконец сказал Марии со смешком:

– В Америке была такая же взаимовыручка... во времена Дикого Запада!

– А сейчас?

Он пожал плечами:

– Мир стал безопасен. Люди не бросаются на помощь, предпочитая позвонить в полицию, медпомощь, ветнадзор, электрикам, газовикам... Специалисты все сделают лучше!

Она фыркнула:

– Ты считаешь, так правильнее?

Он снова пожал плечами:

– Наверное. Хотя мне, конечно же, жаль романтику тех диких времен, когда люди были проще. Вот как у вас сейчас.

Она сердито сверкнула глазами. С нею здоровались все чаще, а когда вошли в тесный двор, где со всех сторон высокие древние стены, к Марии с жалобными криками бросились женщины, а двое очень немолодых бородатых мужчин обеспокоенно поглядывали то на нее, то на Стивена.

– Был взрыв в кафе, – коротко объяснила Мария. – Если бы не вот он, жертв было бы больше... Нет, его только поцарапало, в больницу не хочет.

Стивен слышал такие горячие слова благодарности, что

поспешил от неловкости нырнуть вслед за Марией в узкий проход.

Они вышли во внутренний дворик, похожий на каменный колодец огромных размеров, Мария открыла ключом дверь, зажгла свет и предупредила:

– Осторожно, ступеньки здесь ветхие... а ты вон какой огромный!

Глава 8

В комнате он снял рубашку, кровь на боку взялась коричневой корочкой. Он натянул кожу, посыпались мелкие струпы. Царапина оказалась длинной, но, чувствовал, неглубокой.

Мария быстро осмотрела ранку.

– Больно?

– Заживет, – ответил он с ухмылкой. – На мне заживает быстро.

– Ты в самом деле американец? – усомнилась она.

– А что не так?

– Американцы помешаны на здоровье, – уличила она. – У вас там поставили бы сейчас прививки от столбняка, десятков уколов от всех болезней, комплекс витаминов и курс лечения в особой клинике для пострадавших... И не забыть еще предъявить правительству многомиллионный иск за ваше пошатнувшееся здоровье, моральное и физическое!

Он с любопытством рассматривал ее.

– Вот как ты воспринимаешь нас?

– А разве вы не такие?

Он пошел в ванную, бросил рубашку в стиральную машину. Быстро огляделся, на полочке над раковиной обычный женский набор всякой фигни в красивой упаковке, бритвенный прибор, но это еще не говорит о присутствии мужчи-

ны: тогда приборов было бы два, у женщин обычно свой для бриться под мышками, а то и ног.

Через раскрытую дверь слышал, как на кухне зашумело. Обычно по звуку он умел отличить все кофемолки, мясорубки, соковыжималки, но это что-то иное. Возможно, израильского производства.

Она выглянула из кухни, волосы уже собрала в пучок.

– Прими душ, – посоветовала она.

– Раньше дамы?

– Пока заряжу обед, – объяснила она. – А потом я.

– А я сожру обед, – согласился он. – Хорошо.

– Обед будет готов, – ответила она злорадно, – когда выйду из душа. А пожирать недоваренное мясо – это получить несварение желудка.

Он ухмыльнулся и зашел в ванную, оставив дверь раскрытой. Если захочет, может присоединиться, душ у нее просторный. Не двойной, нет второго сиденья, но с откидной полочкой для ног. С ее весом и прямой спиной там сидеть можно.

Прохладная вода ударила со зверским напором, он вспомнил, что Израиль вроде бы испытывает недостаток воды, попробовал на вкус, прекрасная пресная. Евреи, как всегда, поднимают шумиху по всему миру, какие они бедные, какие несчастные, даже воды у них нет, а у самих бассейны переполнены...

Включил горячую, прозрачные стенки сразу же заволоч-

ло паром, стали матовыми. Если она и увидит, что оставил дверь открытой, то все равно он целомудренно скрыт, как прекрасный Иосиф от взора, как ее там, Зульфийи, угадывается только его движущийся силуэт.

Странное позабытое чувство овладело им, когда медленно подставлял грудь и плечи тугим струям. Только в доме родителей чувствовал себя так легко и свободно. Даже в своей просторной квартире в Манхэттене ощущал себя все еще в рабочем кабинете, а когда купил домик во Флориде, надеялся хоть там ощутить комфорт и все удобства, к которым так стремятся американцы, а значит – все люди, но, увы, чувствовал себя так, будто купил выставочный экспонат и сам стал им.

И вот здесь, в тесной малогабаритной квартирке, небогатой, скажем прямо, чувствует себя удивительно уютно.

Когда он раздвинул пластиковые створки, в ванной комнате вовсю трудится стиральная машина, через стеклянное окошко видно, как в мыльной пене крутится нечто темно-синее, понятно, его джинсы.

Он влез в трусы и, шлепая босыми ступнями, вышел на кухню. Мария, стоя к нему спиной, заглядывала в кастрюлю. Она опустила крышку, он подошел сзади, обнял ее, чувствуя в ладонях довольно полные груди, вдохнул запах ее волос.

Все получилось бездумно, само собой, он сам не ожидал от себя такого действия, а Мария на мгновение замерла, за-

тем ее тело расслабилось, он пару секунд чувствовал в своих объятиях восхитительное женское тело, потом она произнесла деловито:

– Рубашку я отдала тете Симе, это соседка. Она посмотрит, что можно сделать.

Он произнес ей в волосы:

– Да так уж и важно?

– Я так и сказала, – ответила она. – Сима сказала, что еще посмотрит среди рубашек ее старшего сына.

Он расцепил руки, она опустила крышку и медленно повернулась к нему. Взгляд ее пробежал оценивающе по его обнаженной груди. Ниже не скользнул, и Стивен ощутил, что ей вовсе не пришлось сдерживаться.

– У тебя хорошо развиты грудные мышцы, – сказала она. – Впрочем, вы там в Америке все на спортклубах помешаны.

– У меня и животные мышцы неплохие, – ответил он скромно. – В смысле, на животе. Пощупай.

– Может быть, позже, – ответила она. – Хотя еще не уверена. А теперь следы, чтобы не сбежало вот из этой большой кастрюли.

Она удалилась красиво и грациозно, не прилагая ни малейшего усилия, он в состоянии отличить доведенное до автоматизма умение манекенщиц от животной грации абсолютно здорового организма.

Из ванной она вышла с пышным тюрбаном на голове, в

длинном белом халате, целомудренно запахнутом туго и перехваченном на талии узким пояском.

– Суп готов, – доложил он. – Сбежать даже не пытался, но попытки делало вот это... странное.

Она окинула взглядом кастрюльки и сковородки.

– Странное? – повторила с неописуемым презрением. – Это и есть знаменитый чолнт! Его только в этом квартале и делают!

– С ума сойти, – сказал он искренне. – В Штатах если что делают, то на всю страну. Это и есть демократия. А у вас какое-то постоянное ущемление.

– Ну да, – отпарировала она. – В центре Иерусалима самые населенные кварталы – мусульманский, христианский, армянский и еврейский. А каждый из них разделен на десятки обособленных общин, что враждуют одна с другой. А вокруг центра – сравнительно новые районы, каждый со своими микронациями, религиями, традициями, общинами и правилами. А вон там, в сторону северо-запада, арабские районы. Вообще черт ногу сломит с так называемым «своеобразием исторических и культурных черт»!.. Может, и лучше, если бы все стало одинаковым, как в пустыне или... в Штатах?

Он слушал с удовольствием, она ловко орудовала поварешкой, ароматный запах поплыл по кухне, в желудке довольно хрюкнуло и потеряло лапки.

– Пахнет вкусно, – сказал он. – Хотя и не представляю, из

чего этот чолнт.

– А ты как думаешь? – спросила она поддразнивающе.

– Не знаю, – признался он. – Наверное, что-то из жвачного и с раздвоенными копытами.

– А ты ешь только кошерное?

– Я ем все, – сообщил он честно, – что имеет отношение к биологии. Ну, кроме человечины. А вот вы лишены удовольствия отведать хорошо прожаренного кабанчика...

Она фыркнула.

– Знала бы, что у тебя такие вкусы, обязательно приготавила бы рагу из свинины. Но ты давай пробуй суп, а потом чолнт. Увидишь, что твоя жареная свинина и рядом с чолнтом не лежала.

Он краем глаза видел, как на экране жидкокристаллического телевизора появилось лицо госсекретаря Бергманса, замелькали кадры с видом американских авианосцев, линкоров, кораблей сопровождения. Комментатор торопливой скороговоркой сообщил, что вся эта армада движется в сторону Израиля, но тот уперся, назревает конфликт...

Стивен поискал взглядом пульт, не увидел, Мария на телевизор не обращает внимания, он попросил:

– Да выключи эту гадость! Надоела политика...

Мария улыбнулась, щелкнула пальцами, изображение мигнуло, на экране появились птицы с хищно загнутыми носами, пошли титры «Из мира дикой природы».

– Спасибо, – сказал он, – это намного приятнее... Хотя

тоже ястребы.

Она отмахнулась:

– Да пусть.

– Пусть, – согласился и он. – Слушай, что мы все сворачиваем на политику? У тебя там ничего не подгорело?

– У меня ничего, – ответила она, ему почудилось некоторое разочарование в ее голосе, – а на сковородке... сейчас посмотрим.

После обеда они пили вино из высоких бокалов с длинными ножками. Снова он удивился чувству покоя и защищенности, словно в самом деле вернулся в родительский дом.

Они посматривали друг на друга поверх тонкого стекла, он видел, что и она прекрасно понимает, что, когда опустят бокалы, оба поднимутся и пойдут в спальню.

Странное единство, особенно если учесть, что он всегда предпочитал пухленьких блондинок. И обе его жены были блондинками, одна ушла через два года к преуспевающему адвокату, а вторая развелась через пять лет вроде бы успешной жизни, причем обобрала его до нитки. Но все равно с блондинками ему было легче и уютнее всего, а вот сейчас со странным просветлением понимал, что, оказывается, до сих пор понятия не имел о настоящем уюте.

Какой уют с этой хищницей, мелькнула мысль, когда они, взявшись за руки, пошли в спальню. Это же пантера, это же хищный зверь, перед которым я просто кролик...

Рухнули на постель, Стивен видел посерьезневшее лицо Марии, ее глаза. В них тот же покой, как будто и она ощущает то же странное чувство, что и он...

Некоторое время держали друг друга в объятиях, прислушиваясь к бегу горячей крови в их жилах, затем он, не говоря ни слова, сбросил трусы, а она почти одновременно распустила пояс на халате, оставшись обнаженной.

Он несколько мгновений рассматривал смуглое худое тело с резко очерченными чашечками груди, широкие алые ореолы с приподнятыми сосками, выступающие ребра и запавший живот, затем неторопливо накрыл губами торчащий кончик правой груди и сразу ощутил, как тот начал твердеть, разбухать, приподниматься в его рту горячим столбиком.

Глава 9

Файтер снова назначил совещание в подземном конференц-зале, хотя на этот раз круг участников еще шире: помимо предыдущих, добавились еще министры экономики, финансов, науки, руководители силовых ведомств. Их предупредили, что отныне их, как получивших доступ к сверхсекретной информации, будут откровенно прослушивать и записывать всюду, будь это в постели или туалете.

Замаялся только Николас Фейт – министр финансов, но Файтер заверил, что о его связи с женой садовника все знают, но никто же не проболтался, так чего трусить? Продолжай, садовник и его «жена» – тоже агенты спецслужб, все под контролем...

Сейчас они входили по одному в кабинет, Файтер их встречал у входа, приветствовал рукопожатием и указал в сторону стола, вокруг которого уже выстроились в готовности стулья.

Когда все расселись и застыли в почтительном ожидании, Файтер поднялся во главе стола. Мертвая тишина и обращенные к нему лица, портреты на стенах, казалось, тоже прислушиваются к историческим словам, коим быть на скрижалях веков.

Файтер строго посмотрел на замерших в почтительной неподвижности министров.

– Итак, господа, начинаем очерчивать границы предстоящей операции, но должен сразу предупредить о некой особенностях.

Он помолчал, подбирая слова, министры смотрят на него неотрывно, никто не двигается, только Ваучер нервно крутит в пальцах авторучку, но под взглядом президента выпустил ее из рук и вытянулся, словно новобранец на плацу.

– Особенность в том, – сказал Файтер с нажимом, – что в отличие от операций в Югославии, Ираке, Иране или Северной Корее, когда решение принималось открыто, когда подробно освещался каждый шаг подготовки к высадке войск, на этот раз все необходимо проделать по возможности тайно.

Ваучер сказал быстро:

– Мы давали возможность принять наши условия! Но израильтяне – не иракцы. Если они увидят, что мы настроены серьезно, они примут наши условия.

Файтер перевел взгляд на лица сидящих за столом, никто не повел и бровью, дипломаты, но от них повеяло несогласием так явно, что Файтер сказал сразу:

– Иракцы и югославы – одно, евреи – другое. Кто знает, какие контрмеры они примут по всему миру.

– Мы не вправе рисковать своими людьми, – добавил Гартвиг.

– Израильтянами – тоже, – вставил Олмиц. – Если сумеем провести все правильно, то ни один израильтянин не будет убит в боевых операциях.

Файтер поморщился.

– Надо попытаться сделать все, – сказал он ясным голосом, – чтобы это меньше всего походило на боевую операцию. Да, мы не скрываем, что оказываем давление с помощью всей армии. И даже временно арестуем всех, входящих во властные структуры и правительство. Но как только пройдут всеобщие и действительно демократические выборы, все будут отпущены на свободу.

Он перевел взгляд на Герца, тот кивнул и сказал деловым голосом:

– Операция должна быть предельно тайной. Несмотря на то что израильтяне свою мощь всячески преувеличивают и запугивают ею, их мощь в самом деле велика... во многих областях. А доступ к больным точкам нашей индустрии... немал, скажем мягко.

Файтер оглядел всех, силовики первыми пришли в себя, среди них обычный деловой настрой, словно речь идет о простых маневрах армии и флота, сказал с некоторой неловкостью:

– Не знаю, стоит ли это говорить... я из того поколения, когда стали чураться высоких слов, слишком уж их обесценило предыдущее поколение, но сейчас хочу напомнить: настал момент, который войдет в историю как величайший триумф человечества!.. Многое будет забыто, но это – никогда. И наши имена войдут в историю навечно. Имена всех сидящих в этом зале. Мы вплотную подошли к моменту, ко-

гда нельзя откладывать объединение всех людей планеты в единое целое, в единый народ.

Он покосился на министра по делам науки, тот только вчера докладывал о стремительно нарастающих возможностях нанотехнологии. Пока что лишь крупнейшие корпорации подошли вплотную к выпуску мини-роботов размером с горошину, которые действуют автономно и скрытно, могут проникнуть куда угодно и, к примеру, вывести из строя крупнейшую электростанцию или атомный реактор, а завтра таких роботов смогут делать уже в кустарных мастерских. Если все это не поставить под жесточайший контроль...

– Мы давно были готовы к плану «Эллинизация», – сказал он, все слушали очень внимательно, кое-кто даже подался вперед, словно старался не проронить ни слова, хотя акустика в зале совершеннее, чем в концертных залах, – но мы не спешили, давая возможность странам и народам понять неизбежность воссоединения в один народ... Все эти годы наша политика была направлена на демонстрацию преимуществ свободы слова, путешествия без виз, отмены таможенных сборов, прочей хрени. Да, это привело к крушению некоторых деспотических и тоталитарных режимов. Для них исчезновение железных занавесов означало немедленный крах, зато народы тех стран вздохнули свободно...

Он увидел кривую улыбку на губах министра иностранных дел. Ему пришлось первому встречать все обвинения со стороны других стран, что-де Америка жаждет получить все

мировые богатства, что ей нужна абсолютная власть над миром, нефть, газ, остатки залежей драгоценных металлов...

Сам улыбнувшись, он сказал с некоторой гордостью:

– Мы пошли тогда на то, что вызвали недовольство практически всех стран и правительств... однако народы тех стран охотно влились в нашу общую нацию, которая вот сейчас создается заново, как создавалась нация американцев после того, как Колумб открыл Америку!

Четвертый из новеньких, министр образования, довольно заулыбался. Его ведомство получило восемьсот миллиардов долларов на закупку электронных переводчиков в виде клипс и даже в форме штучек для пирсинга, что вдевается в мочку уха или в пуп. Таким образом, даже неграмотный крестьянин из Таджикистана свободно общается с любым на английском языке, тем самым цементируя новую, создаваемую нацию. В этих переводчиках намеренно заблокированы функции перевода на другие языки: неизбежный процесс слияния не стоит затормаживать, пусть наши дети общаются между собой уже без этих электронных штучек. А что общим взяли английский, а не, скажем, хинди, на котором говорит половина населения земного шара, то законный вопрос: а что те хиндусы сделали для того, чтобы их язык стал языком науки и техники, культуры, языком международного общения?

Файтер кивнул в сторону Олмица:

– Мне кажется, наш директор ЦРУ готов сделать некое

сообщение...

Олмиц вскочил, коротко поклонился:

– Не совсем так, я просто хотел бы вкратце повторить присутствующим то, о чем докладывал в прошлый раз вам, господин президент. Потому что это, увы, имеет далеко идущие последствия... Увы, даже очень далеко!

За пару минут он довольно коротко, но емко напомнил всем, что доктрина расового превосходства евреев над всеми остальными народами позволила заниматься преступным бизнесом без особых, так сказать, угрызений совести. В Торе сказано, что красть у гоя совсем не грешно, обмануть его не грешно, это все равно что обмануть корову. Таким образом, получилось, что если хетты, египтяне, римляне или немцы воруют – воры в любом случае, то евреи будут считаться ворами, если только начнут воровать у евреев. А если они обманывают другие народы, то это все нормально и нисколько не противоречит религиозным и моральным принципам. У других, дескать, воровать можно. Их можно даже убивать, все равно они не люди, а так, говорящий скот. Потому, естественно, и еврейская преступность расцветала пышным цветом еще в древности, и еврейские правители ничуть не стеснялись связей с преступными бандами, если те перекачивали уворованное у гоев богатство в их страну. Первый пример – массовое ограбление египтян при исходе с Моисеем, а наиболее крупные – это переводы миллиардов долларов еврейской мафией Лански правительству современного Израиля.

А так вообще-то ограбление евреями всех окрестных народов продолжается доныне.

Герц хмыкнул:

– Не думаю, что закончится с упразднением Израиля.

– С предполагаемым упразднением, – подчеркнул Ваучер.

– Предполагаемым, – охотно согласился Олмиц. Он остро взглянул на Ваучера. – У вас еще есть надежды?

– Есть, – ответил Ваучер твердо. – Израиль стремительно превращается в светское государство!

– Ого!

– Представьте себе, – огрызнулся Ваучер. – Без всякого нажима.

– Да ну, – сказал Олмиц скептически. – Как я помню, еще со времен Навуходоносора превращается и превращается! Ладно, пусть преступная деятельность евреев на этом не закончится, как усомнился господин Герц, я даже с этим согласен. Преступники должны быть в обществе, это как вирусы, что постоянно обновляют защиту организма. Если эти евреи, уворовавшие миллиарды легальным или нелегальным путем, будут вкладывать их в экономику США... или в такие географические химеры, как Германия, Англия или Франция, хотя это теперь тоже США. То есть если будет перекладывание капитала из одного кармана в другой. А это, согласитесь, совсем не то, когда капиталы из США уходят в неподконтрольный ему Израиль.

Ваучер сказал упрямо:

– Нужно точнее отслеживать пути миграции преступного капитала! Израиль выдаст преступников... если наши доводы будут весомыми.

– Самые весомые доводы у крылатых ракет, – вставил слово Гартвиг. Увидел лица, добавил поспешно: – Я пошутил, пошутил! Понятно же, что теперь крылатыми ракетами ничего не решается. Всего можно добиться мягким, но беспрестанным нажимом.

Олмиц вытащил из «дипломата» пухлую книжку и потряс в воздухе.

– Вам кажется, это шуточка? Преступный мир евреев существует сотни лет. Вот книга, господин президент, изданная во времена Мартина Лютера, протестантского реформатора, если вы не слыхали. Америка стала страной протестантов благодаря этому немцу. Европа в это время была так заражена организованной преступностью, что власти были просто вынуждены опубликовать словарь преступных терминов. Лютер назвал эту публикацию «необходимым средством в борьбе с преступностью». Он написал предисловие к словарю, в котором подчеркнул, что словарь включает много иудейских слов. В предисловии Лютер пишет: «Я считаю, что эту книгу должны прочитать все, чтобы понять, что миром правит Дьявол и что люди должны бороться против его власти. Этот словарь создан евреями, так как в нем много иудейских слов, в чем может убедиться каждый, кто знает идиш».

Файтер кашлянул, указал глазами на часы. Олмиц спохватился, что увлекся и ударился в мелочи, оборвал себя на полуслове.

— Господин президент, — сказал он поспешно, — как видите, контрабанда и отмывание денег появились не вчера. Евреи набили на этом руку еще с тех времен, когда не существовало нынешних народов, не говоря уже о странах. Потому так трудно с ними бороться, трудно поймать, припереть к стенке. Но никогда еще положение не было столь угрожающим! Мы не должны затягивать с операцией «Эллинизация», ибо сейчас евреи перешли в наступление по всему миру.

Файтер уточнил:

— Еврейские преступные организации? Вы это уже говорили.

Олмиц покачал головой:

— Господин президент, как бы мне хотелось с вами согласиться! Но, к сожалению, практически все евреи — одна преступная организация. Преступная в силу своей доктрины в отношении других наций. И потому нет заметной границы между преступниками из «Русской мафии» и правительством Израиля. Те сотни миллиардов долларов, которые еврейские преступные синдикаты отправляют в Израиль, получают уже не преступники, а высокопоставленные правительственные чиновники! И моментально вкладывают в оборону Израиля, в инфраструктуру, в модернизацию промыш-

ленности, в хай-тек, в строительство научно-исследовательских институтов...

Файтер проворчал:

– Хотел бы я, чтобы наши преступники поступали так же. А то все вбухивают в игорные дома, в виллы по миллиарду долларов, где даже стены бассейнов инкрустируют драгоценными камнями... В чем видите наступление?

– Пошла новая волна, – объяснил Олмиц, – начатая СМИ, которые, как вы хорошо знаете, практически все в руках еврейских организаций. Волна обвинений уже не только немцев в холокосте, но и нас, американцев. Нам всем стараются привить неизгладимую вину перед евреями. Но если с русскими и немцами это проделать удалось, то с нами, американцами, это не должно случиться. А если пройдет...

Глава 10

Файтер смолчал, но по его глазам Олмиц видел то же самое, о чем умолчал сам: если США отступят или откажутся от нажима, это и будет полная победа Израиля по всей планете. И тогда страшно даже представить, во что это выльется в отношении остальных «неполноценных» народов.

Ваучер задвигался недовольно, сказал напряженным голосом:

– Я не понял, мы говорим на таком высоком уровне всего лишь о преступных организациях?.. Разве это не дело ФБР? Кстати, почему господина Бульдинга нет, если уж зашел такой разговор?.. Господина Олмица понять можно, у него еврейский вопрос – пунктик, но мы все здесь люди серьезные, зрелые, без подобного незрелого мальчишества...

Олмиц, ничуть не обиженный, привык к таким выпадам, сказал рассудительно:

– погоди, давай опираться на факты. А чтобы ты меньше меня обвинял в какой-то предвзятости или подтасовке, я буду приводить только слова еврейских же лидеров. Согласен? Ладно, вот книга «Рим и Иерусалим», автор – Моисей Хесс, учитель Карла Маркса и духовный отец сионизма и коммунизма. Открываем ее... вот здесь, смотри: «...мы, евреи, всегда должны оставаться чужестранцами среди гоев, то есть неевреев... Факт остается фактом, что еврейская ре-

лигия – выше всякого еврейского национализма. Каждый и всякий еврей, независимо от того, хочет он этого или нет, автоматически, в силу своего рождения, связан узами солидарности со всей своей нацией... Человек должен быть сначала евреем, и только во-вторых человеком».

Ваучер вырвал из его рук книгу, с недоверием проверил издание, фыркнул и вернул Олмицу.

– Ерунда какая-то.

– Не ерунда, – возразил Олмиц. – Если бы Гитлер произнес: «Необходимо, во-первых, быть немцем, и только во-вторых человеком», разве это не цитировалось бы всюду как доказательство его бесчеловечности, расизма, нацизма и вообще отвратительной сущности?.. Сам знаешь, что именно так и было бы. Но никто не осмеливается даже рот открыть, когда подобные слова исходят от ключевых еврейских лидеров. Да какую бы еврейскую литературу ты ни раскрыл, везде эти же самые идеи еврейского превосходства! Над тобой, над остальными людьми и – хуже и обиднее всего – даже над мною, таким умным, талантливым и вообще замечательным. Да ладно, вот тебе книга Якова Клацкина «Кризис и решение», давай-ка процитирую...

Ваучер сказал враждебно:

– Кто такой Клацкин? Знаю Фолкнера, знаю Хемингуэя, даже Сэлинджера, но Клацкина не знаю.

– Не знать Клацкина? – изумился Олмиц. – Да еврей ли ты? Клацкин – один из отцов современного сионизма!.. Ага,

вот, нашел. Можешь следить за моим пальцем. «Мы не являемся евреями иностранного происхождения; мы – евреи, у которых отсутствуют цензы или резервации. Мы просто чужестранцы; мы – иностранный народ среди вас, и мы подчеркиваем, что хотим оставаться в таком состоянии. Существует широкая пропасть между вами и нами, такая широкая, что невозможно навести между ними никакого моста. Ваш дух является чуждым нам; ваши мифы, легенды, привычки, обычаи, традиции и национальное наследие, ваши религиозные и национальные святыни, ваши воскресенья и праздники... все они чужды нам. История ваших триумфов и поражений, ваши военные песни и боевые гимны, ваши герои и ваши подвиги, ваши национальные амбиции и стремления, все они являются чуждыми для нас. Границы ваших земель не могут ограничить наше движение, и ваши пограничные столкновения нас не касаются. Наше еврейское единство стоит вне и над границами вашей земли... Если кто бы то ни было называет иностранную, то есть нееврейскую, землю своей родиной, тот будет предателем еврейского народа... Лояльный еврей никогда не будет никем другим, как еврейским патриотом... Мы признаем национальное единство еврейской диаспоры, независимо от того, в какой стране она может проживать. Следовательно, никакие границы не могут удерживать нас в следовании нашей собственной еврейской политике».

Ваучер в испуге огляделся, лица остальных были суровы-

ми и мрачными.

– Мы что, – сказал он нервно, – это всерьез? Я понимаю, на Израиль нужно оказать давление, чтобы взять и эту часть планеты под контроль... но нельзя же поднимать волну неприязни к евреям вообще!.. Господин президент, скажите!

Файтер помолчал, лицо несчастное, а когда заговорил, голос звучат надтреснуто:

– Если нельзя так... то как? Как можно?

Ваучер беспомощно развел руками:

– Не знаю.

– Решение нужно принимать, – напомнил Файтер.

– Но есть же специалисты...

– Кто? – спросил Файтер. – Мы и есть эти специалисты. Пусть мы никудышные специалисты, но остальные еще хуже. У каждого из нас куча советников, но они лишь рекомендуют, а решения принимаем мы. У вас тоже целый штаб работников. И что же?

Ваучер помотал головой:

– Я знаю только, что так нельзя!

– Как нельзя, знают все, – отрезал Файтер. – Только никто не знает, как надо. Но мы должны решить. Мы сейчас решаем уже не за Америку, а за все человечество. К сожалению, население Америки, как и всего мира, отождествляет евреев и Израиль. Как нам только что процитировали, это не случайно... Да, я понимаю, что большая часть евреев и не думает переселяться в Израиль, знаю и то, что в самом

Израиле большинство населения вовсе не разделяет канни-
бальские воззрения ортодоксальных иудеев... но у вас есть
другой способ вызвать одобрение жестокого давления на Из-
раиль?

Ваучер сказал осторожно:

– Господин президент, Израиль, как я уже говорил, ста-
новится абсолютно светским государством! В прошлом году
там состоялись всемирные слеты секс-меньшинств, в этом –
учрежден Праздник Поедания Свинины! Да-да, представь-
те себе. Чему никак не могли воспрепятствовать немного-
численные ортодоксальные группы... Словом, еще несколь-
ко лет, и Израиль будет полностью размыт. Он перестанет
быть Израилем, а станет всего лишь географическим местом
с преобладающим населением из евреев, но и то... ненадол-
го.

Файтер вздохнул:

– Я все это знаю. Но Израиль не зря называют мировым
центром хай-тека. Все наиболее современные технологии:
компьютеры, электроника, телекоммуникации, медицина...
да и вообще все-все – реализуется у них на таком уровне,
какого не могут достичь ни Европа, ни, увы, США. Кого-то
это раздражает, а нас должно тревожить.

– Меня тревожит, – честно признался госсекретарь. – Не
хотелось бы, чтобы пейсатые имели к ним доступ. Однако
уровень нанотехнологий пока что не настолько высок, чтобы
угрожать нам...

– Кто знает, – ответил Файтер угрюмо, – кто знает. Они свои научно-исследовательские центры для нас не открывают. Чем-то, конечно, делятся, но кто знает, насколько продвинулись на самом деле?

Госсекретарь развел руками, пробормотал:

– Можно только надеяться, что они не перепрыгнут общие для всех фундаментальные законы.

– Не перепрыгнут, – согласился Файтер, – но вдруг обойдут?

Олмиц едко заметил:

– К примеру, в Тель-Авивском университете открылся факультет биотехнологии. То есть там биотехнологии учат уже студентов! У нас только-только яйцеголовые в крупных научно-исследовательских центрах почти наугад комбинируют гены, добиваясь прироста зерна или увеличения яйценосности, а там уже учат студентов, как делать это и многое-многое еще!.. Я бы сказал, что это радостный показатель, если бы... он касался всего человечества, а не крохотного государства, одержимого маниакальной идеей господства над всем миром!

Ваучер заметил:

– Но мы тоже господствуем.

– Мы – это все человечество, – отрезал Файтер. – Все, что есть в США, все открыто всему миру. А Израиль сам постоянно подчеркивает свое противопоставление остальным людям, называя их народами гоев! Мы над этой причудой лишь

снисходительно улыбались, пока евреи были в рассеянии и пока Израиль был слаб, но теперь... кто знает, не планируют ли раввины Иерусалима истребить все человечество и заселить планету одними евреями, как им завещано в их чертовых талмудах?

Он чувствовал, что зол, заметили и другие, Ваучер взглянул растерянно, а Гартвиг одобрительно, даже в глазах госсекретаря промелькнула тень удовлетворения.

Олмиц спросил почти весело, явно стремясь разрядить напряжение:

– Вы ли это, господин президент?

Файтер перевел дыхание, но кровь стучит в виски, он ответил все так же жестко:

– Оба моих деда пали в боях за освобождение Германии от фашизма, а вы хотите, чтобы я закрыл глаза на фашизм в Израиле? Более того, на расизм?.. Никогда, никогда, никогда не перестану бороться против идеи, что кто-то выше другого всего лишь по крови, по рождению, по принадлежности к какой-то нации! Именно за это мы стерли с лица земли германский фашизм. Только за то, что в Германии считали немцев благородной расой, а остальных – нет. И что же, я должен смириться с тем, что подобное о себе заявляет Израиль?

Гартвиг сказал с двусмысленной улыбкой:

– Вообще-то первыми это сказали евреи. А когда немцы вздумали подхватить идею и примерить к себе, евреи тут же натравили на Германию весь мир... Мы, старшее поколение,

хорошо помним то, что уже вытравили из мозгов юного поколения: Вторую мировую у нас, как и всюду, называли еврейской войной, войной за еврейские интересы...

Он умолк, лицо стало серьезным. Файтер вздохнул, оглядел собравшихся за столом. Все подтягиваются, серьезнеют, в глазах появляется что-то такое, что простой человек, воспитанный на газетных клише, не в состоянии и вообразить: просветленность, убежденность в необходимости бороться за правое дело.

Израиль, говорят их взгляды и лица, должен исчезнуть. И как государство, и как идея. Впервые совпали, казалось бы, несовместимые идеи: военные, политические, нравственные. С военной точки зрения не должен существовать на планете регион, скрытый от абсолютного контроля и тотальных проверок со стороны американских органов. Если раньше танковый завод по размерам был равен городу средней величины, то очень скоро боевые нанороботы будут производиться на мини-заводе размером с картонную коробку. Нужно успеть разоружить армии по всему миру, уничтожить все арсеналы, а все работы в научно-исследовательских центрах поставить под строжайший и постоянный контроль с постоянным наблюдением за руками работников через особые видеокамеры.

И наконец, доводы с нравственной стороны, которую, по расхожему мнению, политики не принимают во внимание. Это, конечно же, ложь, запущенная в обращение самими по-

литиками, которым важнее, чтобы о них думали как о прожженных циниках, считающихся только с реалиями, такие, мол, не прогадают. На самом же деле в политику чаще всего идут как раз самые возвышенные романтики, не потерявшие надежды собственными усилиями сделать мир лучше и чище.

Этих политиков с самого начала возмущали расистские законы в Израиле, но приходилось молчать, трезво считаясь с обстановкой в мире, который контролируют евреи. Но мир меняется, и точно так, как наконец-то насытившийся мир вдруг начал заботиться о здоровье, чего из-за более важных дел простого выживания никогда не делал, так и народы, наконец-то добившись у себя свобод и достойной жизни, начали оглядываться по сторонам и стараться помочь жить достойно и другим.

И нет человека на планете, который согласился бы с тем, что евреи – богоизбранный народ, а вот он – говно, так как всего лишь немец, француз, араб, русский, поляк, турок или мексиканец. Ни один, даже самый спившийся бомж и алкаш, умирающий от передозировки, не согласится, что он говно от рождения, а гордо скажет, что и он бы мог стать величайшим ученым или человеком искусства, но вот родители, улица, семья, собутыльники...

И когда люди, уже сытые и благополучные, начали осматривать всю планету, большинство спотыкается об Израиль.

Глава 11

Появился дюжий сержант в форме морской пехоты, опустил на середину стола огромный поднос с множеством разнообразных бутербродов.

Ваучер уточнил быстро:

– А кофе нам дадут?

Сержант кивнул, Олмиц сказал очень серьезным голосом:

– В целях секретности заседания всему персоналу вырезали языки и прокололи уши.

Ваучер спросил испуганно:

– Правда, что ли?

Олмиц кивнул на невозмутимого Гартвига:

– Спросите у него, это его команда.

Ваучер повернулся к военному министру, тот развел руками:

– Государственная необходимость. Все ведь знают, насколько вы болтливы.

Ваучер смотрел по сторонам ошалело, Герц первым не выдержал и начал улыбаться, Ваучер с облегчением вздохнул и замахал руками:

– Что вы меня все обманываете? Нехорошо так поступать со старым человеком. У меня чуть сердце не выскочило!.. Мне двойной кофе. Без сахара.

– Но с молоком? – спросил Олмиц. – С вашим сердцем...

– Дотерпит до того дня, – заверил Ваучер, – когда железное смогут ставить с долговременной батареей, а не с той, что сейчас в продаже...

Сержант, улыбаясь одними глазами, принес гигантский кофейник и кувшин молока. Все принялись разливать каждый себе сам, тем самым подчеркивая сверхсекретность сообщения, закрытость, как в высших эшелонах масонской логи.

Олмиц, демонстрируя заботу о Ваучере, подлил ему молока в чашку, как только тот отвернулся, после чего Ваучер поднял возмущенный крик. Файтер посматривал на всех испытующе, стараясь не делать этого открыто. Чувствуется нервозность, то и дело слышатся неловкие смешки. Среди присутствующих есть евреи, но это, так сказать, эллинизированные евреи, которые стыдятся родства с расистскими элементами среди своего народа и больше других заинтересованы, чтобы их выкорчевать. Есть полукровки, а есть, как говорят, самые опасные: чистокровные неевреи, но женатые на еврейках. Это та пятая колонна, которой больше всего страшатся в любом государстве.

Еще только угадывая впереди неизбежное столкновение с Израилем, ряд политиков полгода тому развернули кампанию за ужесточение мер к Израилю. Первый серьезный кризис отношений между США и Израилем возник, когда Израиль начал продавать Китаю и другим странам высокотехнологичное оружие. Если бы дело касалось только израиль-

ских разработок, США не сразу бы нашли, к чему придраться, но в проданных гиперзвуковых истребителях нового поколения оказались использованы секретные разработки американских ученых, работающих на оборону. Это и стало поводом, после чего США потребовали полного прекращения подобных поставок.

Вспомнили, что еще в 2005 году было приостановлено сотрудничество между США и Израилем по программе «Мобильный тактический лазер высокой мощности» (Mobile Tactical High Energy Laser). США также приостановили участие Израиля в проекте «Боевой самолет будущего» (Joint Strike Fighter) и наложили ограничения на экспорт в Израиль американского высокотехнологичного оборудования, а также прервали разработку программы над строительством космической станции второго поколения.

Месяц назад министр иностранных дел Израиля Ахелон Рушди извинился перед США за возникший кризис. «Нельзя скрыть кризис, существующий сегодня в отношениях между США и Израилем относительно экспорта продукции военной промышленности, – заявил он в интервью радиостанции «Голос Израиля». – Мы делаем все, чтобы разрешить этот кризис. Мы находимся на завершающих стадиях переговоров и надеемся, что решение будет найдено в ближайшее время. Мы приносим свои извинения, если действительно сделали то, что неприемлемо для американцев».

Две недели тому для урегулирования кризиса на перего-

воры с представителями Пентагона в Вашингтон отправилась делегация израильского оборонного ведомства. Накануне переговоров глава правительства Гахаон Шарон и министр обороны Мофаз Машан, по взаимной договоренности, отдали распоряжение израильской делегации согласиться на все требования США.

Однако привыкшее уступать правительство США на этот раз выдвинуло такие требования, что израильская делегация впервые испытала шок, близкий к библейскому ужасу. Закаленные в хитрых торговых сделках и ловких переговорах, они считали себя непревзойденными в этом деле, да и были ими – все-таки трехтысячелетний опыт! – но сейчас не видели ни малейшей щелочки, чтобы хотя бы начать переговорный процесс. Если раньше, как, к примеру, продав Китаю суперсовременного оружия на три миллиарда долларов, можно было после долгих переговоров и уступок отделаться всего лишь... извинением, то на этот раз требования США являются, по сути, ультиматумом.

Переговоры завершились, так и не начавшись, безрезультатно. Как сообщил один из членов израильской делегации, «не было достигнуто соглашения по всем вопросам, и потому потребуется новый раунд переговоров».

Израильская делегация поспешно вернулась обратно для консультаций и выработки новой линии поведения, а одновременно с ними, даже чуть опередив, на всемирные торжества по случаю очередного религиозного праздника в Изра-

иль прибыло рекордное число паломников, почти втрое превышающее прошлогодний уровень. По этому случаю министерство туризма устроило грандиозный праздник для своих сотрудников, пообещало щедрые премии и надбавки, а тем временем две трети из «паломников» неторопливо разбредались по стране, чтобы находиться ближе к местам, где по сигналу достанут из тайников оружие.

Подготавливаясь к новому раунду переговоров, Израиль выразил серьезное недоумение, ибо если какие-то действия США можно объяснить, как к примеру, когда Израиль продал Китаю большую партию боевых истребителей, оснащенных новейшим вооружением, то после санкций со стороны США и извинений министра обороны Израиля с Китаем разорвали все договора на ремонт этих самолетов и дополнительное оснащение высокоточным оружием и радиолокационными системами. Сейчас же требования США попросту уничтожают суверенитет Израиля как самостоятельного государства. И никакие ссылки на то, что мир интегрируется, здесь не работают: существуют границы, через которые не перейдет ни одно из государств...

Здесь Израиль явно лукавил: ряд стран не просто легко перешел эти границы, но и с великой радостью отказался от своего суверенитета, предпочли быть штатом или областью в составе большой процветающей страны, чем самостоятельным нищим государством во главе с диктатором.

И все-таки Израиль все еще надеялся на переговоры, го-

товясь после долгих и трудных дискуссий с привлечением юристов, законоведов, философов и раввинов пойти на кое-какие уступки в плане суверенитета, но сохранить Израиль как самостоятельное государство с его уникальной системой ценностей.

Гартвиг кашлянул, привлекая внимание, он помешивал серебряной ложечкой кофе и не поднимал глаз от коричневой жидкости.

– Нас до того запугали... что мы боимся произносить некоторые слова, даже если в них нет ничего крамольного. Вот и сейчас у меня даже руки дрожат, хотя при чем здесь руки, если я работаю, как всякий политик, больше языком... Я хочу сказать, что мы сегодня приступаем к окончательному решению еврейского вопроса... Ага, вот вскинулись, а кто-то, напротив, уткнул глаза в стол, сверлит взглядом дыры... Или оставляет пятна на чистом вообще-то столе. И все-таки я скажу. Еврейский вопрос существует, как ни крути. Но с исчезновением Израиля исчезнет и сама проблема. Израильтяне волеются в мировую культуру, займут в ней достойные места, и вы сами понимаете, что это будут далеко не последние места, далеко не последние!.. Точно так же, как треть политического истеблишмента, финансового и экономического, находится в руках тех американцев, которых называем американцами еврейского происхождения.

Ваучер спросил настороженно:

– А как с ними?

– С кем? – спросил, в свою очередь, Гартвиг любезно.

– С евреями!

– Какими? – снова уточнил Гартвиг. – Вы вот еврей, вас кто-то ущемляет?

– Я имею в виду израильтян, – огрызнулся Ваучер.

– Вы не считаете, – поинтересовался Гартвиг нарочито угрожающим тоном, – что в нашей Конституции записаны самые справедливые законы? Я имею в виду, что все рождаются свободными и равными в правах, независимо от цвета кожи, веры и прочей ерунды?.. Или вы это считаете хренью, а себя все-таки лучше уже потому, что вы еврей, а не потому, что закончили два вуза, а я, к примеру, только один?.. Мы раздавили деспотические режимы в Европе, ликвидировали на Востоке и свергли в Азии. Так почему же оставим откровенно расистское государство на Ближнем Востоке?

Файтер посматривал на Гартвига с некоторым удивлением. Министр обороны всегда старался выглядеть всего лишь военным, а сейчас вон как разговорился, в самом деле – политик, но тут легонько похлопал по столу Уильям Бергманс, госсекретарь, привлекая внимание, сказал с неизменно обаятельной улыбкой и мягким голосом:

– В отношении моей страны, я имею в виду Штаты, чтобы вы не подумали чего-то еще, я предвижу, что процесс политкорректности будет завершен, когда из печати, а затем обихода исчезнут сегодняшние термины, которые гордо считаем политкорректными: «афроамериканец», «амери-

канец китайского происхождения», «американец латинского происхождения»... Они политкорректны только в сравнении с кличками прошлых лет: негр, китаеза, мексикашка, макаронник... Так вот, сейчас подготавливается законопроект, по которому запрещено вообще упоминать о происхождении человека, о его расе или национальности. Ведь не говорим же «американец немецкого происхождения» или «американец ирландского происхождения»? Из документов будут убраны любые намеки на расу или национальность, будет поощряться смена фамилий, имен, будет создана специальная комиссия, которая будет следить, чтобы не возникали общества по «сохранению корней», «традиций» и прочих опасных, очень опасных, уверяю вас, вещей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.